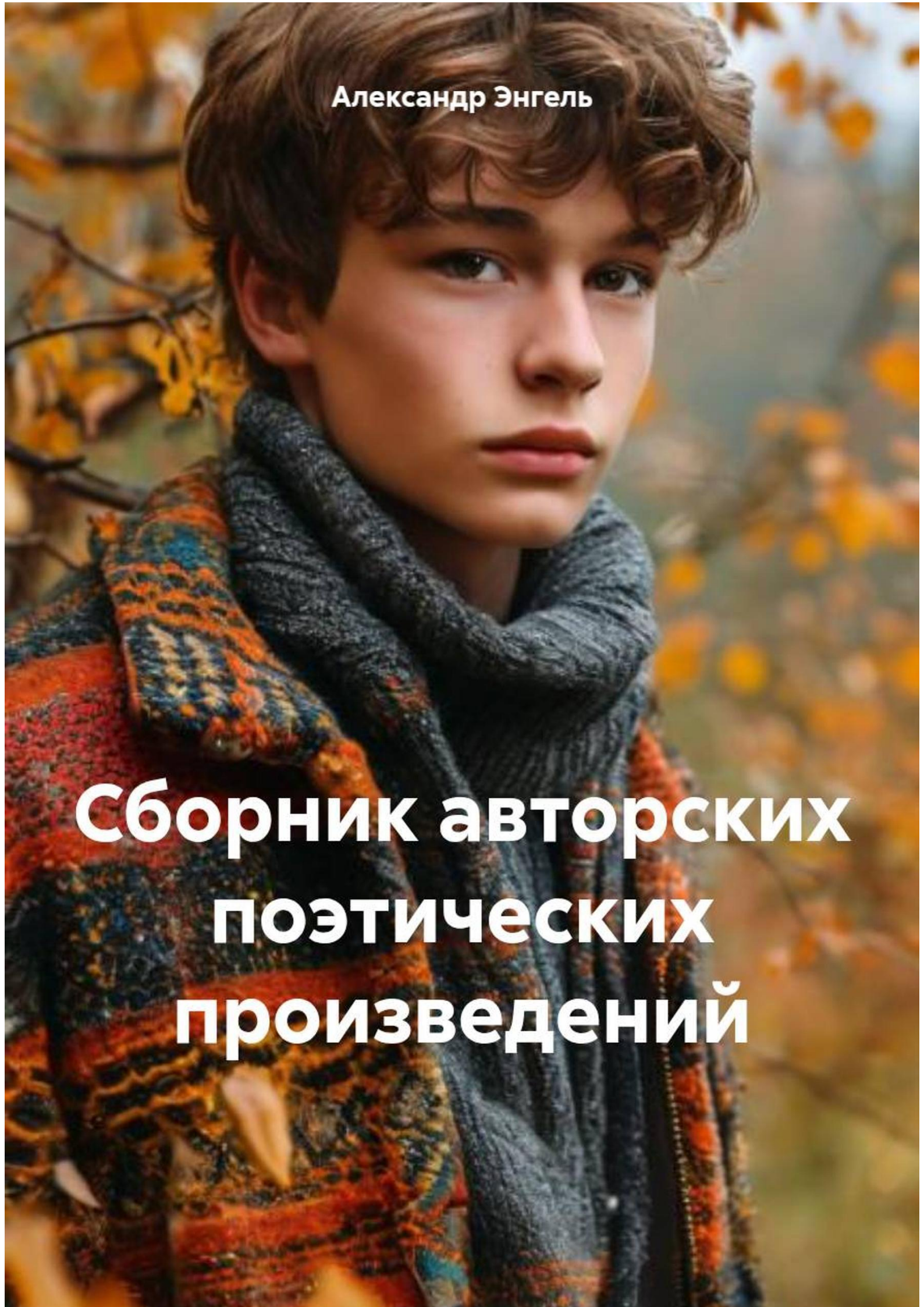

Александр Энгель

**Сборник авторских
поэтических
произведений**

Александр Энгель

**Сборник авторских
поэтических произведений**

«Автор»

2025

Энгель А.

Сборник авторских поэтических произведений / А. Энгель —
«Автор», 2025

По сути в этой книге нет ничего особенного, за исключением лишь того, что я вложил в неё всю свою душу, свою молодость и юность, которые пролетели так же мимолётно и так же незаметно, как добрая светлая пора нашего постсоветского детства. Не думаю, что эта книга будет пользоваться небывалым спросом, популярностью и ажиотажем, и пробудит хоть какой-то интерес к русской лирике и современной русской поэзии, которых словно никогда и не существовало в 21 веке. Однако, если в ваших сердцах всё-таки откликнутся пускай даже небольшие капли из строчек хоть каких-нибудь из приведённых в этом достаточно скромном сборнике стихотворений, тогда я точно смогу вздохнуть с облегчением и сказать самому себе, что весь мой труд не напрасен...

© Энгель А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Людское счастье.	117
Пустота одиночества.	118
Немного о любви.	120

Сборник авторских поэтических произведений

Глава

Александр Энгель.

Сборник авторских поэтических произведений.

Предисловие.

По сути в этой книге нет ничего особенного, за исключением лишь того, что я вложил в неё всю свою душу, свою молодость и юность, которые пролетели так же мимолётно и так же незаметно, как добрая светлая пора нашего постсоветского детства. Не думаю, что эта книга будет пользоваться небывалым спросом, популярностью и ажиотажем, и пробудит хоть какой-то интерес к русской лирике и современной русской поэзии, которых словно никогда и не существовало в 21 веке. Однако, если в ваших сердцах всё-таки откликнутся пускай даже небольшие капли из строчек хоть каких-нибудь из приведённых в этом достаточно скромном сборнике стихотворений, тогда я точно смогу вздохнуть с облегчением и сказать самому себе, что весь мой труд не напрасен...

И вновь...

И вновь заискрится зелёная роща

Под лёгким дыханьем зари,

Когда на рассвете под белой берёзой

Проснёмся с любимой в прохладной тени.

И вновь нас разбудит лесная пичуга

Пеньем забавным, знакомым до слёз,

А мы лишь сильнее обнимем друг друга

И нежиться будем под тенью берёз.

И вновь позабудем про всякую скромность:

Будет беспомощно мяться трава,

Весёлый ручей заиграет на солнце,

Станет шумней озорная вода.

Вновь дремлющий воздух наполнится жизнью,

А в жилах пробудится юная кровь,

И с такой лёгкостью с жести полыни

В небо вспорхнёт полевой мотылёк.

Вновь семя проронит степной одуванчик

На обнажённое тело земли,

И только лишь ива безудержно плачет

Под лёгким дыханьем всходящей зари.

Эта долгая разлука

Не затмила наших чувств,

Не угасли мы друг к другу,

Моя радость, моя грусть...

Вот весна пришла и веет

Тёплым ветром перемен,

Одиноко смотрит в небо

За окном твоим сирень...

Ты – цветок, что жаждет света,

Я – луч солнца золотой,

День за днём томлюсь надеждой,

Что увидимся с тобой...

Поцелуй в июле.

Не стереть из памяти

Тот июльский вечер:

Наш поцелуй под яблоней

Медленный и нежный.

Солнце гасло за горами,
Тихо млел знакомый лес,
Робко ветви пропускали
Сквозь листву небесный свет.

Словно время вдруг застыло
В звонком воздухе заката,
На губах твоих улыбка
Дивным светочем сияла.

Даже пчёлка, что гудела
В клумбе весело у дома,
Вдруг замолкла в хризантеме:
Лишь бы нас не беспокоить.

Я глядел, не отрываясь
В те зелёные глаза,
Что блестели и сквозь радость
Так звали к себе меня.

Время.

Эх, время, время...

И к чему вся быстротечность?
Всё, что есть – предашь забвенью,
И бесследно канешь в вечность...

Сколько же эпох сломило
Ты под натиском своим,
Превратив всё то, что было
В груды пыли и руин...

И не ты ли повседневно
Крутишь стрелки на часах?
Крутишь нервно, как рулетку,
Словно ставка высока...

Трамвай с табличкой «РМЗ».
Трамвай с табличкой «РМЗ»

Вновь напомнил мне о прошлом:
Остановка «Октябрь», немое шоссе,
Ставшие в памяти горькою ложью.

Здесь так же бессмысленно тянется в гору
Дорога, ведущая лишь на обман,
Которая раньше вела меня к дому,
Где меня вовсе никто и ни ждал.

Мне тогда было семнадцать с копейкой,
Я был ещё зелен, как листья весной,
Помню, как с бывшей сидел на скамейке
И думал всё время о ней об одной.

Любви безответной незримое эхо
Внезапно слышал вдруг я от неё,

Но чувства воткнулися острою вехой:

Словно мне в душу пустили копье.

Как птица, летящая в сторону света,

Я ослеплён был сиянием солнца,

В котором она растворилась бесследно,

Как капля слезинки в бездонном колодце.

Трамвай с табличкой «РМЗ»

Вновь напомнил мне о прошлом:

Остановка «Октябрь», немое шоссе,

Ставшие в памяти горькою ложью.

Родина.

Там, где льются белы слёзы

Одинокой ивы,

Где рубец ствола берёзы

Пал пятном родимым;

Где вовек под красным солнцем

Золотятся нивы,

А в степях бушуют грозы,

И преданья живы, -

Тот край матерью зовётся,

Имя ей Россия!

Жизнь – неведомая дорога.

Предначертанная Богом,

Таящая что-то в себе,

Вдаль уносится дорога

По широкой колее.

Где-то там за горизонтом

Кроется твоя судьба...

Ты и сам не знаешь толком,

Что же ждёт в пути тебя...

Театр жизни.

Удержаться на сцене,

Войти в свою роль,

Идти к своей цели

Сквозь радость и боль.

Ужиться в той маске,

Что дали спонтанно,

Сказав по указке:

«Играть беспрестанно!»

Показать этим зрителям:

Что ты и с чем?

Стать победителем

Либо никем.

Слышать овации, аплодисменты,

Видеть, как публика жаждет тебя,

Брать ото всюду цветные букеты

Или увязнуть в помоях гнилья.

В театре жизни мы просто случайность,
Партия шахмат на жёсткой доске,
Которою движет слепая отчаянность:
Узнать бы хоть что-то о тайной судьбе.

Пока мы гадаем – идёт представление,
«Хлеба и зрелищ!» – кричат из толпы,
А нам остаётся искать продолжение,
Отвлекаясь в антрактах лишь только на сны.

Удержаться на сцене,
Войти в свою роль,
Идти к своей цели
Сквозь радость и боль.

Дар поэта.

Зачем же пишу я все эти стихи?

Кому я при этом помог?

Что я полезного с них сотворил? -

Наверное, знает лишь Бог...

Всё моё творчество – просто ничто

В сравненьи с красотами мира.

Всё, что я сделал – почти ничего:

Потратил напрасно я силы...

Кто ж меня вспомнит чрез тысячу лет,

Когда все забудут про пыльные книги?
И кто раскопает мой белый скелет,
Держащий в кистях пожелтевшие свитки?

Я бы хотел, чтоб прочли их славяне -
Мой возродившийся русский народ!
Чтобы вслух матери детям читали
Про чувства, природу, людскую любовь...

Тогда вдруг пойму я, что всё не напрасно
Было сделано это...
Ведь Бог наделил меня самым прекрасным:
Наделил меня даром творца и поэта!

Грешный город.
Море лживых, гнусных лиц,
В чьих глазах гуляет холод;
Сетью уличных темниц
Распростёрся грешный город.

Я сижу в кафе и молча
Допиваю свой бокал,
И уже не верю в полночь -
Ту, которой я так ждал.

Но я всё так же выжидаю,
Гляжу в пыльное окно.
Хотя, конечно, понимаю,

Что кому-то всё равно...

«Где же, милая моя,

Пребываешь ты сейчас?

И неужели навсегда

Я в глазах твоих угас?

Ну приди... Не мучь (мучай) меня:

Я сгораю от тоски.

Если что было не так,

Я прошу тебя: «Прости...»

Очи зверя – фонари,

Гробовые стены плит;

И дышит злобою в ночи

Город – тёмный лабиринт.

Бессмертный город.

За окном всё тот же белый пепел,

Нагота деревьев, обобранных до нитки;

По улицам безлюдным сквозит холодный ветер,

Добирая с веток последние пожитки.

Не хочется ни думать, ни плакать, ни смеяться:

Словно душа заледенела от колкого мороза.

Звенит метель в своём цыганском танце,

Огибая молча пёстрые берёзы.

Хрипящий звук клаксона от пыльных иномарок

Сбивает шумом наледь с висящих проводов;
Свет горит так тускло сквозь окна коммуналок -
Будто там и вовсе никто и не живёт.

Порою всё мне кажется, что город просто умер,
Как умирает всякий обычный человек,
Которому на ногу надели страшный номер
И увезли туда-то, куда дороги нет.

Куда ни глянь: повсюду видны лихие бирки -
Зовутся ими улицы, бульвары и проспекты!
А может быть правдивы те взрослые страшилки
О том, что город этот считается бессмертным?!

Опадают листья сентября...

Опадают листья сентября.

Кругом глухо, кругом тишь.

Что же, милая моя,

Ты за окном сидишь?..

Выходи скорей гулять

В парк осенний на окраине -

Я тебя там буду ждать

У моста – творца желаний.

Будем взглядом провожать

Золотые листья клёна:

Как стремятся они вплавь

И кружат, словно танцоры,
По глади озера лесного;
И, чтоб избавиться от скуки,
Ищут диву для мазурки -
Но, станцевав с ней пару раз,
Они снова в тот же час
Ищут причину скорейшей разлуки.

Что ж поделать... Порой так сложена судьба:
Что для девушек – беда,
То для мужчин, скорее – мода:
Женщины, бокал вина -
Вот она светска'я жизнь,
«Данная от Бога»!

Но тебя не променяю
Я на дам других.
Не грусти, моя родная...
Слышишь: ветер стих...

Не грусти, моя родная...
Все печали позади.
Не грусти, моя родная...

Ведь с тобою вместе мы...
Помню, это было...
Помню, это было,
Словно бы вчера:

Белым майским дымом

Яблоня цвела...

Милый мой посёлок,

Избы и заборы;

Я ещё – ребёнок,

Шёл домой со школы.

Рядом одноклассники

Шли за мной вприпрыжку,

И листали часики

Детства нашу книжку.

Медленно, но верно,

Юность подошла:

Повзрослело тело,

Разошлась душа.

Стали разны взгляды,

Поменялись вкусы:

Каждый вырыл гряды

Для своей капусты.

Отзвенел на сердце

Колокольным гулом

Наш звонок последний

Ранним алым утром.

И, кажется, всё было,

Словно бы вчера:

Белым майским дымом

Яблоня цвела...

Река Кондома.

Кондома моя родная!

Что случилось вдруг со мной?!

Сжалось сердце от печали:

Я к тебе хочу домой...

Мне бы вновь очнуться утром

В том селе, где жил и рос,

И пройти по закоулкам,

Что знакомы мне до слёз.

Тут минуло моё детство

И умчались в никуда,

Отзвенев соловьей песней,

Мои школьные года.

Помню то, как здесь с друзьями

Мы беспечно, без хлопот

Вместе весело гуляли

Дни и ночи напролёт!

Кондома! Не ты ли это

Унесла всё за собой?!

Как вернуть всё, что отпето?!

Подскажи! А ну, постой!

Знаю, время не воротишь,

Не вернёшь назад годов,

Что теченьем вглубь уносит

Твой лихой водоворот.

Кондома моя родная!

Помоги! Я сам не свой!

Сжалось сердце от печали:

Я к тебе хочу домой...

Гроза в мае.

Озоновый запах весенней грозы

Спускается медленно с неба на поле.

Пространство заполнил фантом тишины,

Спугнувший всех певчих в нахохленном боре.

С пушистого колоса майской пшеницы

Бабочка крылышком сбила росу.

В тылу горизонта сверкают зарницы,

Словно мечами в гвардейском бою.

Силится ветер, прижавший осоку,

Как девушку парень в безлюдном углу,

Чтоб поцелуем, как пущенным током,

Зажечь в её сердце родную звезду.

Невидимой лейкой обрушили тучи

На вязкую землю порывистый дождь.

Свежестью полнится воздух пахучий,

Как полнится соком кубанская гроздь.

Скрасит картину цветистая радуга,

Рисуя над полем причудливый мост.

Стекает смола, как тягучая патока,

Трещит без умолку испуганный дрозд.

Высунет мордочку мышка-полёвка

Из скромного гнёздышка в злачной траве.

Вьюнок обмотает упругой бечёвкой

Стебель ромашки в хмельном кураже.

Выглянет солнце, рассеяв лучами

По полю пшеничному радостный свет -

Пробудятся птицы, что так его ждали,

И вместе исполнят вокальный дуэт.

Мой родной край.

Травы нежно гладит

Ветерок попутный,

В зорях серпом таит

Месяц бесприютный.

Встану на рассвете

Рано с петухами,
Когда в дрёме светит
Солнце за горами.

Выйду за околицу,
Поднимусь к холмам,
Где скачут резвой вольницей
Кони по долам.

Припаду я к травушке,
Словно жеребёнок:
Для Руси, для матушки
Я родной ребёнок.

Не могу, не спится мне
Ранним летним утром
В доме нашем на селе
Милом и уютном.

Так и хочется пуститься
Вместе с пегим табуном
По полям и быть частицей
В этом крае золотом!

Погонять слепые звёзды
Тонкой тросточкой ночей,
Нанизать туман на сосны,

Ветром рвать сухой кипрей!

Слышать гул зарниц за речкой,

Треск и вспышки пылких гроз,

Соединивших вмиг уздою
Тучи буйные в обоз!

Быть частицей в этом крае,

Жить его большой душой!

Быть собой, не грезя раем,

Ведь он здесь, передо мной!

Первый майский дождь.
Первый майский дождь

Хрустальной рукой,

Словно запоздалый гость,

Постучал в моё окно.

Чего глядишь понурым взглядом?

Заходи ко мне на чай!

Нынче что-то стал ты вялым -

Слей с души свою печаль!

Ангел-хранитель.
В день, когда я сник душевно

В тихий омут перед тьмой,

Мне Господь послал на землю,

Как спасенье, образ твой.

Протянув свою мене руку,

Ты спасла меня в тот час,
Когда демон, ставший другом,
Превращал мне душу в грязь.

Кем же была ты, мой ангел-хранитель:
Простым наважденьем иль призрачным сном?
Почто променяла небесный обитель
На смертного грешника в мире чужом?

Зачем обрубила прекрасные крылья,
Сменив белоснежность на гольные пни? -
Хотела ты этого или насильно
Заставили жить тебя рядом с людьми?

Я нежно лобзал твои алые губы,
Словно целуя намоленный крест.
Ну как объяснить непонятливым людям,
Что ты сюда пала по воле небес?

Терновым венком опоясаны мысли:
Мы в этом мире простые рабы,
Которые мнят себя вольною птицей,
Но в жизни заложники вечной тюрьмы.

Куда ты исчезла? Куда ты пропала,
Растворясь безответно в земной суете?
Ведь имя своё ты мне так и не сказала.

Порой тебя вижу и то лишь во сне.

Кому, как ни мне, тебя вечно любить?..

Солёная наледь скопилась на веках -

Веках, припухших от слёз и тоски.

«Стоит ли плакать и тратиться в нервах,

Если все ссоры давно позади?»

Тушь потекла, как чернила поэта

По белой бумаге, иссушенной пудрой,

И растеклась безобразная дельта,

Плавно спустившись на тонкие губы.

«К чему эти слёзы? К чему все страдания? -

Быть может всё это пора прекратить?

Я ведь с тобою... Ну хватит, родная...

Кому, как ни мне, тебя вечно любить?..

Зачем ты рвёшь волосы, пальцы сжимая,

Дрожащих ковылью в малейшем движении?

Прошу тебя, хватит... Не надо, родная...

Не трать понапрасну последние нервы...

Давай позабудем былые обиды,

Давай перестанем друг другу грубить,

Отбросим ножи и рогатые вилы.

Кому, как ни мне, тебя вечно любить?..»

Песня одинокого юноши.

Небо забренчало золотым кадилом,

Повеяло черёмухой по старым деревням.

«Отчего, Настуся, меня ты разлюбила?

Отчего, родная, ушла ты от меня?»

Все вокруг смеются, а я один не весел.

Друзья зовут с собою на улицу гулять.

Сел смурной на лавку и голову повесил -

Никто меня, похоже, не хочет понимать.

Грядёт Иван-Купала, село идёт на речку

И в водах чистых плещется до самого утра.

Я же, невесёлый, залез себе на печку,

В потолок уставил печальные глаза.

Вскоре у сестрицы настали именины.

Вся семья счастливая, а я сам не свой.

Вышел за деревню, окинул взглядом нивы,

Поставил на колени родимую гармонь.

По лугам зелёным льются мои песни -

В них нежные страдания, что издревле зовут

Русскою душою, распятою на кресте.

Те, кто видит сердцем – они меня поймут.

Допеваю с горестью две последних строчки -

Веки больше слёзы не в силах удержать:

«С кем же ты, Настуся, теперь проводишь ночи?

Легко ли тебе, девица, другого целовать?»

Лето, словно тройка, пролетело мимо.

С яблонь опадают листья сентября.

«Отчего, Настуся, меня ты разлюбила?

Как же мне, родная, плохо без тебя...»

Что такое любовь?..

Что такое любовь?.. -

Чудо и дар, что мы взяли от Бога...

Что такое любовь?.. -

Мир и вселенная двух человек...

Что такое любовь?.. -

Она окрыляет, как воздух, любого...

Что такое любовь?.. -

Чувств и эмоций живой оберег...

Что такое любовь?.. -

Судьбы людей в виде прочной спирали...

Что такое любовь?.. -

Души родные в едином соитии...

Что такое любовь?.. -

Он и она свои судьбы связали...

Что такое любовь?.. -

Первый ребёнок в семейном укрытии...

Первый снег.

Первый снег настиг в азарте

Городскую суету

И просыпал на асфальте

Свою снежную крупу.

На колодец с тёплой влагой

Села в кучку поплотней

Молчаливая ватага

Беспризорных голубей.

Разойдутся с треском губы

Красной простыню по швам:

Обратят в улыбке люди

Взгляд к далёким небесам.

Вдоль аллея краса-рябина

Скинет чахлую листву,

Чтобы днём зимой унылой

Зажечь ягоды в снегу.

Воды луж покроет наледь,

Словно платинный настил,

И луна, что жёлтый камень,

Выльет глянцевого винил.

Затрясёт в мандражке землю

Под трамвайный стук колёс.

В парке сумрачном истреют

Листья девственных берёз.

Осень затхлые пожитки

Соберёт в золотой ларец.

Ватным платищем снежинки

Втянут город под венец.

Первый снег настиг в азарте

Городскую суету.

Кончен раут и бита карта -

Зима выиграла игру...

Расстаёмся ненадолго...

Расстаёмся ненадолго...

Провожаясь вновь меня...

Ты сияешь на перроне,

Как далёкая звезда...

Отбывает мой автобус.

За окном твой силуэт.

И едва держу я слёзы,

Что так рвутся из-под век.

Робко мне рукой помашешь -

Я тебе отвечу тем же.

И с тоской в груди ты скажешь,

Что «я твой на веки вечны...»

Скоро я вернусь обратно

Ранним утром в воскресенье.
В поле чистом на закате
Встретим мы твой День Рождения.

И, обнявшись крепко-крепко,
Мы сомкнёмся в поцелуе.
Сладким запахом сурепка
Одурманил наши души.

Будем вместе любоваться,
Как беспечно средь полей
Облака летят над нами
Стаей белых лебедей.

Словно сон весь мир цветущий,
Где – песчинки мы с тобой.
Душат мысли о грядущем:
Мне пора езжать домой.

И опять ты провожаешь
Вновь меня с того перрона.
Не грусти, моя родная,
Расстаёмся ненадолго...

Полёт сокола.

Взмахом крыльев славный сокол
Приминает рожь к земле.
Из-за трав сухого стога

Льётся твой девичий смех.

Спину трёт сухой соломой,
Пахнет скошенным бурьяном,
И кружит тот вольный сокол
Сизым ангелом над нами.

Если б мы имели крылья,
То взлетели ввысь, как он,
И с беспечностью парили
В синем небе над землёй.

Мог ли в нас тот самый сокол
Разглядеть родные души
И понять, что лишь с любовью
Обретают крылья люди?

Сокол! Сокол! Брат мой милый!
Может быть, любовь лишь чудо?!
Помоги, расправь нам крылья,
Чтоб сильнее любить друг друга!

И с закатом станут жарче
Поцелуи в колком стоге.
Словно бы вишнёвым садом
Будут рдеть молодые щёки.

Твоё робкое дыханье

Будет течь по мне водой

И смывать былые раны

Своей чистою душой.

И когда зарёй окрасит

Наши лица на рассвете,

Буду я всё с той же страстью

Целовать нагие плечи.

Моя любовь.

Взгляд застенчивый и милый

Показался из окна:

Глазки сочно-травяные

Посмотрели на меня.

Выходи во двор на лавку,

Я хочу тебя обнять!

Голос твой звучит так сладко,

Дай себя расцеловать!

Завтра к нам вернётся лето,

Позади – зима с весной.

Вместе ждали встречи этой,

Словно чуда, мы с тобой.

В дивном саде отыграла

Дымом нежных лепестков

Та сирень, что задержала

Лишь для нас последний вздох...

Аромат её остался

В пышной цвети с майских дней:

Так надолго он впитался

В воздух чуткий средь ветвей.

Я вдыхаю запах кожи

И сирени аромат,

Говоря тебе: «О, Боже,

Как прекрасен летний сад!»

Ты черты его вобрала:

Это видно в цвете глаз.

Но всегда ты мне внушала,

Что не здесь ты родилась...

Родилась ты в Казакстане

В городке Экибастуз,

Хотя Родиной считаешь

Ты берёзовую Русь -

Здесь жила ты с ранних лет,

Здесь ты выросла ребёнком...

Поезд-жизнь, судьба-билет -

Мы не знаем остановки.

Пересеклись пути все наши

На единой магистрали,
И зимой в ноябрь мрачный
Судьбы мы свои связали.

Я ни капли не жалею,
Что ты встретила меня...
Дай-ка я тебя согрею
И прижму к себе любя...

Взгляд с застенчивой улыбкой
Показался за окном.
Тихо скрипнула калитка.
Снова вместе мы вдвоём.

Моя родная.
Каждый миг, момент, мгновение,
Проведённые с тобой,
Сходны с вечностью вселенной -
Яркой, светлой, неземной.

Мир прекрасный, мир цветущий
Виден мне в глазах твоих -
С первых встреч родную душу
Я узрел случайно в них.

Сны, дела и расстояние -
Не помеха быть вдвоём!
Время будней на свиданье

Мы найдём, всегда найдём...

Поцелуй.

Сыплет сахарною пудрой

По аллеям белый снег.

В парке тихом и безлюдном

Фонари зажгли свой свет.

Скопы маленьких снежинок

Облепили нам ресницы.

За спиной следы ботинок

Идут длинной вереницей.

Джаз по радио играет -

Романтично, как в кино.

Иней сказочно сияет

На деревьях серебром.

Упадём вдвоём со смехом

В мягкий залежный сугроб.

Вдалеке над нами сверху

Стынет зимний небосвод.

Ветер северных просторов

Снарядил в дорогу сани

И принёс с собою холод

Из земель, покрытых льдами.

Странно только: мы не мёрзнем,

Хоть на улице мороз.

В «чернозёме» сеют звёзды

По крупицам, словно рожь.

Поцелуй так чист и нежен,

Словно розы лепесток -

Мы с тобой в тепле удержим

Его пламенный цветок -

Он согреет тело светом,

Что исходит из души.

Значит, вовсе нет секрета:

Зимы тают от любви.

Рвутся летние поэмы.

Вдоль мостовой над гордой Томью

Зажигают полосой

Фонари привычной новью

Свой беспламенный огонь.

Ветви лип, как чьи-то вены,

Отдают живым теплом.

Рвутся летние поэмы

Всё сильнее день за днём.

Их мельчайшие обрывки:

Те, которым нет цены -

Топчут чёрные ботинки,

Давят шпилькой каблуки.

Рвёт поэмы, не жалея,

На мильон опавших листьев

Осень с немощных деревьев,

Не познавших смысл жизни.

Допоздна гулять мы будем

По безлюдным тротуарам,

И пускай обветрим губы

Поцелуем в парке старом!

Смех, молчанье, разговоры,

Разговоры ни о чём.

Оба в длительной истоме,

Так похожую на сон.

Видишь: осень рвёт поэмы -

Может это неспроста?

Так скажи, зачем же лету

Делать то, что рвёт она?

На кой шут писать поэмы

Тем, кто ценит лишь себя?!

Лето, ты – великий гений! -

Хоть не признанный пока...

Ладони согреют замёрзшие руки.

Бусы в охапку собрала рябина,
Спрятала их под багровый подол.
В саду под окном расцвели сентябрины,
Пылая от сырости синим огнём.

Ладони согреют замёрзшие руки -
И осень не будет глядеть так злощаво...
Опавшей листвою слетают минуты
С наручных часов моего циферблата.

Торопимся всё непонятно куда:
Уходим с утра, а приходим под вечер -
Так и проходят все наши года,
Так и проходит вся жизнь человечья!

Ладони согреют замёрзшие руки -
И станет на сердце гораздо теплей,
Замедлят свой ход на секунду минуты,
Увидев движенья от наших теней...

Я изменюсь...

Я точно решил: я хочу измениться...

Стать лучше, стать чище, набраться ума.

Красок и жизни плеснуть на страницы

В собственной книге с названием «Судьба».

Родная, я знаю, мне нужно меняться

Ради себя же и ради других.

Тебе одной втайне могу я поклясться
Под прядью застенчивых плачущих ив:

«Я изменюсь... Не сегодня, так завтра...
Просто поверь мне... Ведь я обещал...
Я буду тем самым на сцене театра,
Каким себя с детства в мечтах представлял!»

Поездка к Чёрному морю.

Мы едем на поезде к Чёрному морю,
Чтобы друг с другом душой отдохнуть.
Вместе, как птицы, мы рвёмся на волю:
Долог и светел наш жизненный путь!

Вагон наш по рельсам бежит и смеётся:
Счастье с тобою нас снова нашло!
Пусть в купе жарко от волжского солнца -
Нам это в радость и нам хорошо!

В прошлом остались дожди и ненастья -
Им больше не место у нас в голове!
Пусть наши мысли наполнятся счастьем
И жить будут с нами на этой земле!

Суглинистый берег румянит речушку,
Что расплела серебристые косы
И понеслась, как малая девчушка,
Через равнины за матерью-солнцем.

К тополям вековым среди зарослей ивы

Я проведу тебя тихой тропой.

В каплях росы на седой паутине

Мы отраженьем с тобой промелькнём.

Тополь кудрявый над берегом речки

Нас заслонит своей сочной листвой,

И будут звучать наши нежные речи

Шёпотом ветра под крепким стволом.

«Давай растворимся друг в друге навечно:

Станем одной неразрывной душой!»,

Как растворяются звёзды с рассветом

Тихими зорями в небе ночном.

Будет шуметь своей пышною кроной

Тополь всё тот же, что нас укрывал,

И, не жалея уставшие ноги,

Будет речушка за мамкой бежать.

Раздумья у осеннего пруда.

Поплавок плывёт по небу,

Отражённому в воде.

С клёна сыплются монеты,

Как с прорехи в кошельке.

Водомерки вальс танцуют

Под оркестр комаров.

Обнажил свой белый купол
Храмом божьим поплавок.

Где-то там в болотных топях
Слышны лаи гончих псов,
Кряки уток, выстрел в воздух
И охотничий манок.

Звуки эхом отдаются
В хрупком шелесте листвы:
Осторожно к нам крадутся
Ранней осени шаги.

Над главой скелет крушины
Свесил кисти чёрных бус.
На сердцах больших кувшинок
Мне видна немая грусть.

В милом образе берёзы
Я ловлю свои черты:
Жизнь людская в нас плетётся
С белой, чёрной полосы.

Нет идеалов в мире бренном! -
Все мы грешники в душе!
Даже мы, творцы-поэты -
Те и по уши в дерьме!

И вот настало то мгновенье,
Когда счастье на коне:
Поплавок мой скрылся в небе,
Отражённом на воде.

Осенняя роза.

Не расцелует на прощанье
В час расставанья за меня
Осенняя роза родными губами
Белые щёки твои докрасна.

Опустится роза в хрустальную вазу -
«Красуйся, голубка, покамест жива!»,
Пока не иссякла махровая чаша,
Резных лепестков завитых кружева.

Дивная роза в томительной неге
Красным бутоном припала к стеклу:
За даль непроглядного синего неба
Хочется ей поскорей заглянуть...

Хочется вновь ей очнуться на клумбе
Рядом с тюльпаном в июльскую ночь,
После которой средь бела полудня
Родилась на свет их любимая дочь.

Но знать бы той розе печальную правду:

О том, что она не вернётся домой,
Не встретит рассвета с любимым тюльпаном,
Что быть её дочке больной и сирой.

Что думала роза в часы увяданья?
О чём говорила, предсмертно молясь?
Какие испила из вазы страданья,
К небу зовущему вверх возносясь?

Прости мою душу, осенняя роза,
За то, что сорвал твоё хрупкое тело...
Чуть только ударили в землю морозы,
Как сразу, бедняжка, ты вдруг омертвела...

Уж очень влюбился я в эту девицу,
Чьи белые щёки я так целовал.
В счастье и радости бились ресницы,
Когда ей в подарок тебя передал.
Осенняя роза – ты вечный знак веры,
Надежды и истины светлой любви...
Насколько бы не были дни эти серы,
Ты нас друг к другу душой воззови!

Мой родимый отчий дом.
Стекают капли по стеклу

Медленно и робко,
Словно слёзы по лицу
Маленькой девчонки.

Набирает ход в дороге

Наш автобус не спеша.

Духота царит в салоне,

Мокнет трасса от дождя.

Далеко за горизонтом

Ждёт меня мой отчий дом -

С ним я связан нитью тонкой,

Как иголочка с клубком.

Нет нежнее во всём свете

Материнского тепла.

Не найти важней совета,

Чем у мудрого отца.

Дом родной мой, дом мой милый,

Будь прибежищем моим,

Грей очаг наш нерушимый

Своим пламенем любви.

Встреть меня, родного сына,

Как встречают мать с отцом,

В этот буйный день дождливый

На пороге в отчий дом.

Утоли мои печали,

Остуди в душе тоску,

Напои горячим чаем,

Расслабь душеньку мою.

Не приютит меня в дороге

Никто другой с таким теплом,

Как вдали за горизонтом

Мой родимый отчий дом.

Я – властелин своей судьбы.

Хочется плакать, но я держу слёзы...

Хочется выйти, но я не уйду!

Я не из тех, кто так быстро сдаётся,

Я свою жизнь до конца доведу!

Назло неприятелям я пойду дальше,

Достигну всех целей, к которым иду!

Кто не согласен – пошлю их подальше,

А те, кто со мной – за собой поведу!

Черти и бесы, а ну расступитесь!

Пошли вон с дороги! – она лишь моя!

Стойте в сторонке, со страхом дрожите -

Ведь эта дорога мне Богом дана!

Бойтесь меня и всех, кто со мною,

Как запаха ладана в святых церквах!

Я – властелин над своею судьбою,

Сияющий верой у Бога в глазах!

Ода родному посёлку.

Все, кого я знал доныне,
Тебя позабыли, родное село,
И воспевать тебя отныне,
Похоже, мне лишь суждено.

Я не гнушаюсь своей доли,
Хоть признаюсь, что порой
Быть поэтом очень больно,
Ибо он в душе живой.

Ты – мой храм, моя святыня!
Ты, Малиновка моя!
Спой в стихах слепому миру,
Как твой сын любил тебя!

Расскажи всем русским людям,
В коих жив забытый дух,
Что другое время будет:
Без владык навозных мух.

Русь в Сибири возродится -
Вслед за ней взойдёт страна:
Просвещения пшеница
Привнесёт в умы зерна.

В центре всех этих событий

Воссияешь ты звездой,
Что вела меня по жизни
Через чашу в рай земной.

Я пророчу тебе славу,
Несмотря на робкий вид,
А покамест буду рядом,
Когда мир в надежде спит.

Колба.

Небо в сгустках чёрной краски:

Кисть макнули в синеву.
В рощах ситцевых найду
Среди кочек с жёлтой ряской
Сарбалинскую колбу.

Бюрократия.

Не отрывая «пятых точек»

От «офисных насестов»,
Проводя остатки будней
В «брюхе» каменных квартир,
Сброд бюрократов страстно хочет
Сделать «лучше» этот мир.

Странный сон.

В эту ночь из неоткуда
Мне явился странный сон:
Будто б серая разлука
Привела меня в твой дом.

Я стоял в немой прихожей,
Слышал только, как дышу.
Мой приход как звон встревожил
В доме злобном тишину.

Прошёл вперёд, добрёл до кухни.
От кухни – тёмный коридор.
Кругом лежит какая-то рухлядь,
Слоем пыли устлан пол.

В конце слепого коридора
Я увидел чью-то дверь.
Подошёл, за ручку дернул,
Отворяю: там постель.

Ты лежишь под одеялом.
Никого, лишь ты одна.
Взгляд твой ясный стал вдруг вялым:
Словно б чем-то ты больна.

Я приблизился к кровати.
В висках тикали часы.
«Знаешь, я пришёл некстати,
Но я должен был прийти...»

В ответ прискорбное молчанье...
«Неужели ты мертва?»

Мысли полнятся отчаяньем,

Ходит кругом голова.

Я хочу рыдать от горя,

Проклинать себя за всё.

«Боже, господи, как больно!

Почему забрал её?!»

В горле встрял комок железа.

«Ангел мой, зажги свечу!»

В нервах я на стены лезу,

Горько плачу и кричу...

Дрожит тело, дрожат руки,

Боль объяла целиком...

«Я не знал, что есть разлука,

Где бы смерть была концом...»

Если б знал, что всё случится

Так, как вижу я сейчас,

Я бы заново родился,

Чтоб спасти с тобою нас...

Я исправил бы всё то, что

Погубило в одночасье

Наши чувства в старом прошлом,

Где любовь смешалась с грязью.

Пускай она меня услышит,

Пускай меня за всё простит...

Она смеётся там и дышит:

Там, куда мне вход закрыт.

Осенний сад.

Осень накрывает столик на веранде,

Скатертью осыпался наш вишнёвый сад.

«Листья на деревьях, прошу, не увядайте...

Позвольте нам с любимой взглянуть на ваш наряд...»

Чайник закипает, день близится к обеду.

«Пошли хоть на секунду пройдемся босиком

По листве опавшей, цветущей жарким летом,

Устлавшей землю прелую причудливым ковром».

Солнце освещает извилистые тропы,

Около усадьбы шумит кудрявый клён.

Звучат души осенней прелестнейшие ноты,

Когда мы, взявшись за руки, под вишнями идём.

Поединок.

Рать с ордой сошлись на поле,

Но не рвутся воевать:

Поединок вместо боя

Им не терпится начать.

Оба войска ищут смелых

Среди тысячи полков,

И нашли остервенелых -

Двух громаднейших орлов.

Один из них – белоголовый,

Взял с собой охапку стрел.

Смотрит прямо: взгляд суровый.

Был бы шанс – полмира съел.

Жрёт оливки с хлипкой ветки,

Что сорвал незнамо где,

И плюёт в лицо обеды

Бедной матушке-земле.

На груди сияют звёзды,

Море вычурных полос.

С виду вроде он и грозный,

Но на деле – только пёс.

Тут навстречу златоглавый,

Полный чести и добра,

Наш орёл идёт двуглавый,

Царский скипетр держа.

Его душой не движут злоба,

Ни тщеславие, ни ложь,

За спиною у народа

Он не точит вострый нож.

Как не лезет поп с уставом
В чужеродный монастырь,
Так и он своей державой
Не диктует власть другим.
Здесь, в груди, заместо флага,
Образ Георгия с копьём,
Что пронзает насквозь гада
Под серебряным конём.

Пробил час, бойцы схватились
В страшной яростной борьбе:
Так, что клювы потупились,
Словно сабли на войне.

Схватил выродка за шею
Наш двуглавый исполин,
Поднапрягся силой всею
И, как змея, удавил.

Все ордынцы, что кричали
Из бесчисленной толпы,
Вдруг внезапно замолчали
От нашедшей немоты.

Подожли, упали наземь,
Побросали все мечи
И взмолилися все разом:

«Ну, поведай, кто же ты?!»

Отряхнулся наш от пыли,

Встал на ноги и сказал:

«Я дитя святой России!

Поднимитесь! Мир настал!»

Ностальгия.

За облаком жёлтым из грязи и пыли

Высятся звёзды, родные как мать.

В мыслях проносятся дни те, что были,

И те, что в ближайшем лишь мне предстоят...

Где-то вдали за железной дорогой,

Куда не доходит свет ярких огней,

Стоят друг за другом знакомые горы

До самой окраины деревни моей.

Меж ними легли потаённые стёжки,

Что без прощанья уходят домой:

Где летом звенят золотые серёжки,

А в памяти слышится голос родной.

В том месте смеются девичьей улыбкой

Над суетою больших городов

Белые рощи в небесной накидке,

Несущие правду сквозь кривду веков.

Только лишь там: в завсегдатай отраде

Смогу утолить я чумную тоску,

Там заживит мои свежие раны

Трель соловья в безмятежном лесу.

Ветер, послушай! Я знаю, ты слышишь!

Скажи, от чего же так плачет душа?!

Хоть я не рядом, но слышу, как дышит

За тем горизонтом родная земля...

Улица Угольная.

Посёлок укрыт одеялом из тысячи звёзд.

Ночь, опускаясь на землю, зажгла фонари.

Здесь все засыпают под стуки тяжёлых колёс

Вагонных составов, идущих один за другим.

Свет из окон сочится по стенам панельных домов -

Словно мёд, он стекается к лону бензиновых луж.

В котельной работают люди под трески железных котлов:

И в зной, и во время чудовищных стуж.

Светофор, точно сонный, стоит и моргает глазами во мгле,

Держась за шлагбаум, как гусар за родное ружьё.

Слышна электричка в далёкой глухой тишине.

На балконах развешано чьё-то льняное бельё.

Сырость асфальта окутала воздух тенистых аллей:

Летний дождь задержался тут около часа назад.

Позади в спину светят плеяды коттеджных огней.

Я иду по дорожке, делая медленный шаг.

Вольно-невольно навялись мысли о старых добрых друзьях,

С которыми мы возвращались здесь с прогулки когда-то домой:

Все в ссадинах, шрамах, шорты в колючих репьях -

Даже не верю, что всё это было... взаправду всё было когда-то со мной...

Простодушие.

Душно мне с вами... В крови задыхаюсь...

День ото дня всё труднее дышать...

Если и честно, то даже не знаю,

Куда мне, простому, от вас убежать...

Моя доброта и слепая наивность

Приводят вас часто в раскатистый смех.

О, высшие люди, простите за дикость,

Что быть простодушным – паскудство и грех.

Я рад бы умчаться от вашего сброда,

Послать всё к чертям и уехать с концами

В родную деревню, где ждут меня дома

Отец поседевший и милая мама.

Мне хочется быть не бездушной куклой,

Жить не для денег, а ради других.

Ведь жить ради денег способен лишь глупый,

Забывший о близких и самых родных.

Сколько ещё я смогу продержаться
В гадюшнике вашем – лишь Богу известно.
Так что же мешает мне с места сорваться,
Вернувшись туда, где душой я воскресну?

Душно мне с вами... В крови задыхаюсь...
День ото дня всё труднее дышать...
Если и честно, то даже не знаю,
Куда мне, простому, от вас убежать...

Помнится, я говорил, что люблю вас...
Помнится, я говорил, что люблю вас,
Но сердцу теперь не прикажешь, увы...
Зачем вы тогда от меня отвернулись,
Когда я просил вашей белой руки?..

Я стал, как и все, деловитым и чёрствым -
От прежнего Саши и след уж простыл...
Мне плюнуть вам в душу теперь так же просто,
Как с грустью промолвить, что я вас любил...

Забудьте меня, умоляю, забудьте...
Хоть море наплачьте, я к вам не вернусь...
И в жарких объятьях другого целуйте,
Пытаясь развратом познать смысл чувств...

Не плачьте родная... Позвольте лишь только
Сказать на прощанье вам несколько слов:

Однажды вы мне уже сделали больно.

Пропала к вам жалость, а с ней и любовь...

Письмо лучшему другу.

Дружище, здорово! Ну как поживаешь?

Давненько не виделись, добрый мой друг.

Сколько ж минуло? – не сосчитаешь.

Благо, что память – не битый сундук.

Как там родители, братик твой малый?

Как они все там? Как наше село?

Как поживает твой батка бывалый?

Сколько же суток с тех пор утекло?

Что-то задумался: вспомнилось детство,

Вспомнились наши былые года...

В груди непривычно забилося сердце:

Вспомнилась наша золотая пора...

Время, дружище, тянулось улиткой,

Сидело на месте, поджавши свой хвост -

Не было раньше таким оно прытким:

Скромно и медленно шло с нами в рост.

Сейчас – это ужас! Совсем озверело!

Словно собака, сорвалось с цепи!

Несётся куда-то, вконец ошалело!

Только и делай, что следом беги!

Даже не верю, что мне уже двадцать:
Как же я быстро успел повзрослеть!
Дал, если б честно, себе восемнадцать -
Застыл этот возраст в мозгу, словно медь!

Может быть, это и лучше, дружище:
То, что душой я по-прежнему молод?
В старости спросят: «А лет тебе много?» -
Я же отвечу, что «крепок, как молот!»

Надо бы свидеться, старый приятель.
Душою излиться навстречу друг другу.
Вечер субботний со смыслом потратить,
Сменив разговорами хмурюю скуку.

Стихотворение о поэте.

Я – не я и я не здесь...

Я всего лишь чей-то сон...

Прими таким, какой я есть,
Безумный мир, в котором я рождён...

Я – не я, меня здесь нет...

Я – пустота с живой душой...

Прими меня, ведь я портрет,
В рамки загнанный судьбою...

Лебедь, плывущий по сточной канаве.

Лебедь, плывущий по сточной канаве,

Белым не будет уже никогда:

Из вод осквернённых он с грязью впитает

То, отчего умирает душа.

Куда ему плыть и к чему же стремиться?

Стоит ли что-то вокруг изменить? -

Когда всё святое помойные крысы

В пошлость успели давно превратить.

Туманом зловещим окутана вечность -

В ней годы грядущие канут во тьму.

И если в сей мир не придёт человечность,

То, значит, я вскоре вот так же «умру»(1).

(1) – умереть духовно, а не телесно.

Что же ты натворила?..

Я готов был прыгнуть в бездну,

Лишь бы ты была жива...

Умереть и вновь воскреснуть,

Только б зреть в твои глаза...

Для чего же было нужно

Разрушать наш милый храм,

Раскроить на части души

Друг у друга пополам?..

Неужели всё так просто...

Летний рассвет.

Окупись со мной, как в реку,

В бархат летнего рассвета!

Задержи на миг дыхание -

Погрузись в его зарю!

Млей от нежных прикосновений,

В платье девичье одета.

По туманам скользит эхом

Слово нежное «люблю!»

Искупись, обрызгав травы

Посреди лесной поляны

Его яркими лучами,

Словно каплями дождя!

Загляни за даль очами,

Где цветёт навес румяный -

В его утреннем зеркале

Отразились ты да я...

Луна затерялась в ненастной чащобе...

Луна затерялась в ненастной чащобе,

Леса опочили безлиственным сном.

Я сижу молча в безлюдном вагоне,

За окнами видится мой былой дом.

По лезвию рельсов скользит электричка,

Снег цедится в морось сквозь сито небес.

Жизнь человечья – никчёмная спичка:

Сжигает себя, приближая конец.

С трудом уже вспомнятся чёрствому сердцу
Наивного детства счастливые дни,
Когда я, мальчишкой, с девчонкой соседской
Мечтал поскорее из дома уйти.

Нас с нею встречали весёлой оравой
Друзья и товарищи, коих уж «нет» -
Мы с ними в бетонках в войнушку играли.
Сучком от берёзы мне был пистолет.

Зимой мы ходили кататься на горку
В валенках, шубах и шапках-ушанках.
Ту горку по-детски мы звали «Зелёной»,
Таща за собою советские санки.

Вокруг этой горки лежали болота,
Стайка стояла и чья-то избушка -
Каждую осень мы шли туда скопом,
Срезали ножами с рогоза макушки.

Рогоз к тому времени был уже зрелым:
От ветра по швам расплзались початки -
Мы ими дубасились в зарослях вербы,
Пугав карасей и болотных пиявок.

Под тресками стеблей дрожала округа.
Початки для нас превращались в гранаты -

Мы их поджигали, кидаясь друг в друга,
Словно в бою фронтовые солдаты.
Ручей ронял в топь свои чистые слёзы,
У старых бетонок шумели осины,
И нежно шептались подружки-берёзы,
Вдыхая свободу родимой России.

Но исчезло куда-то осеннее солнце,
На месте бетонок стоит новый дом,
От сказочных топей осталось болотце,
Рощи со щебнем сравнивали ковшом.

Не тронуло время лишь горку «Зелёнку»,
Что в окнах вагона всё так же видна,
Где был и остался я тем же ребёнком,
Каким меня помнит моя детвора...

Я снова проснулся на гнусной чужбине.
Город бездушный окутала ночь.
Наутро мой разум погрязнет в рутине,
А мысли о доме развеются прочь.

Открою окно, посмотрю на дорогу,
Объятую светом стальных фонарей.
Всю жизнь я мечтал жить на лоне природы:
Вдыхать воздух леса и пряных полей.

Сельскую душу во мне не изменишь,
Как не изменишь сердца горожан.
Скажи, чуждый город, во что же ты веришь:
В забитую правду иль сладкий обман?

Не рождён воспевать я бетонные стены,
Кирпичные кладки и мёртвый асфальт -
Пусть это всё воспевают поэты,
Кому камни эти роднее, чем мать.

Я в камнях бездушных не вижу отрады,
Кроме камней у далёкой реки,
Что протекает с селом моим рядом,
Запутавшись в прядях сибирской тайги.

Пройдёт много времени, я постарею,
И вместе с женою уеду туда,
Где в вечной тиши белоствольных деревьев
Ждут меня дома родные края.

Сыновья сокола.

Бескрайняя синь протянулась далёко
Через широкие долгие нивы.
Батюшка-сокол парит одиноко
Над русским простором седым сторожилой.

Храни мою землю безустальным взором,
Храни нас, славян – твоих кровных сынов,

Как укрываешь от ворона злого

Ты испокон своих малых птенцов!

Взмахни-ка сильнее большими крылами!

Яви всем свою соколиную прыть!

Возрадуйтесь небу, о, братья-славяне,

В чьём вечном сиянии вам выдалось жить!

Чисты ваши души, как ствол у берёзы,

Кроме полос на белёсой коре,

Цвет у которых язвительно-чёрный,

Словно фитиль на церковной свече.

Это грехи все насущные наши,

В которых покаяться верно должны

Перед Всевышним за нрав бесшабашный,

Которым наш разум сейчас одержим.

Я верю и знаю, что время настанет,

Когда мой народ обуздает врага,

Что матушкой-Русью давно управляет

От смутной эпохи царя Лжепетра.

Но нам для начала всем нужно очнуться,

Очнуться от долгого, пьяного сна!

Мой бравый народ, тебе надо проснуться,

Чтоб вновь возродилась былая страна!

Батюшка-сокол, кипит в наших венах

Твоя бескорыстная храбрая кровь.

Верни моих братьев и сёстер по генам,

Память о жизни моих праотцов!

«Немодный» человек.

Если хоть раз вы общались с природой,

Вы не свихнулись, поверьте, мой друг -

Просто всё это уж вышло из моды -

Кто моде сей верит, тот попросту глуп.

Каждый, кто верит хоть в что-то на свете,

Проникнуться может сквозь тело душой

В то, чего нету у всех на примете -

Такой человек от рожденья живой.

Он прост и обычен от доброй натуры,

Скромен и честен со всеми людьми,

Не ищет он грязи и славы гламура,

Не тянется к рангу насценной свиньи.

На нём, на единственном держится Родина,

Которую он защитит от врага.

Отныне не будет больным и юродивым

Народ, что нещадно губил сатана.

Телецкое озеро.

Кедры нахмурили тёмные брови

На сонных утёсах в глухой тишине
И смотрят на катер таинственным взором,
Что, словно лебедь, скользит по воде.

На катере белом за чёрные поручни
Держатся люди, слегка наклонясь.
Окна каюты, как круглые обручи,
Блещут на солнце, едва отворясь.

Не видно ни зги на немом горизонте,
Что с двух сторон подпирают хребты -
Только лишь яхты да белые лодки,
Лики которых видать издали.

Будто весь мир притаился в надежде,
Ждёт от себя непонятно чего!
В воздухе чистом незримая вечность
Тихо застыла над зыбкой водой.

Бескрайней долиной раскинулось озеро,
Чайки усталые в небе парят,
И, словно скитальцы, с печалью и горестью
Песни горланят о дальних краях.

Кажется мне всё как будто знакомым,
Словно я был здесь когда-то однажды:
Видел и эти туманные горы,

И кедры, и лодки, и белые яхты.

Я молча смотрю на немые утёсы,

Вижу: они все глядят на меня,

Но только не хмурым, таинственным взором,

А с любопытством с таким же, как я.

Бриз нам приносит хрустальные волны,

Что бьются, как вазы, о борт корабля -

Их брызги разносятся, словно осколки,

Впиваясь занозами в наши тела.

Катер «Восток» не спешит расставаться

С водным простором, пронзающим сушу.

Мне, как ему, здесь охота остаться:

Беглый шум ветра вдоль берега слушать.

Хочется мне серебристой долине

Сказать, что вернусь я на следующий год,

Но не один... Со своею любимой,

С которой мы встретим лучистый восход!

Я покажу ей прибрежные скалы,

Горные цепи и водную гладь!

Я покажу ей твой облик бескрайний,

За беглой границей несущийся вплавь!

Пока это грёзы, мои ожидания,

Что исполняются в нужный момент...

И вот, наконец, мы достигли причала...

Скоро стемнеет... Пора на ночлег...

Горечь измен.

Когда-то мы верили каждому слову,

Молили судьбу о бессмертной любви,

В чувствах и верности клялись другому,

Мявши изнанку льняной простыни.

Минуло то время, мы стали черствее:

Глубокие раны осели в сердцах...

Нет во всём мире страшнее измены:

Той, что творилась у нас на глазах.

В этой печали мы очень похожи:

Преданы нагло с обеих сторон

Тем, кому похоть безмерно дороже,

Чем то, что зовётся обычной душой.

Эталон.

Сторублёвая купюра,

Посредине – Аполлон -

Хорошо, что не гравюра -

То свисал бы «эталон».

Не найдётся ли случайно

У кого-то панталон?! -

Мёрзнет в край чрезвычайно

Сей бесценный «эталон».

Люди добрые, возьмите

Краски, кисти, поролон

И закрасьте иль сотрите

Этот пошлый «эталон»!

Вы трусы ему хоть дайте! -

Это ведь вам не мамон!

Мужики, оберегайте

Свой родимый «эталон»!

Я держу солнце...

Солнце так близко, как на ладони -

Ещё чуть-чуть ближе и я дотянусь!

Солнце так близко, но кто о нём вспомнит,

Когда сами люди посеяли грусть?..

Я возьму в руки забытое солнце,

Прожгу себе руки до самых костей -

Свет его яркий на души прольётся

Огнём новой эры, что нёс Прометей.

За мною последуют тысячи судеб,

Не зная о солнце, что носят в руках.

Солнце так близко, но кто нас осудит,

Когда мы разбудим надежду в сердцах?..

Калтан.

Протянулся от начала

Вплоть до самой окраины
Тополей навес курчавый,
Как хранитель светлой тайны!

Этот город мил мне с детства.
Словно свыше кем-то дан
Мне от предков, как в наследство,
Город зелени – Калтан!

Здесь душа играет лирой,
Здесь мне дышится легко!
С фонарей проспекта Мира
В полночь льётся молоко!

Здесь ивы ласкают плакучею прядью
Серебряный глянец зеркальной воды,
Здесь дивно мерцают прозрачною рябью
Морщинки бассейнов до первой луны!

Ах, как хорошо здесь гулять по аллеям
Меж сосен душистых и красных рябин,
Особенно утром, когда вдруг на время
Кажется, в мыслях, что ты здесь один.

Всё это, право, похоже на сказку!
Нет, правда, не лгу вам, всё именно так!
Тут смело срываешь безликую маску,

Смелей и уверенней делаешь шаг!

Вольно-невольно не чувствуешь времени,

Что в будни за нами бежит впопыхах,

Хотя бы на миг забываешь о бремени,

Висящем обузой на наших плечах.

Каждый находит на свете отдушину:

Та, что поможет лишь только ему.

По мне, этот город похож на жемчужину -

Вряд ли такую я где-то найду.

Если мир станет не тем, каким прежде,

Я всё равно никому не отдам

Город отчизны и светлой надежды,

Город любимый – красавец Калтан!

Весна.

Сквозь чёрные дыры чумазных проталин

Струятся былинки весенней травы.

Снег на дорогах беспомощно тает,

Полнятся лужи от талой воды.

Приветливо светит лучистое солнце,

Синицы запели любовный романс.

С крыш водопадами звончато льётся

Капель, что на волю по стокам неслась.

Кора на деревьях слегка посветлела -

Может быть, это в преддверьи весны? -

Ведь неспроста она долго терпела

Капризы и холод суровой зимы.

Время от времени крапает дождик -

Светлый и чистый, как капли росы -

В котором проснулся незримый художник,

Что белит гуашью живые холсты.

Весенняя грусть.

Тени тополиные,

Серебристый снег.

Неба очи синие,

Майский первоцвет.

На солнечных опушках

Вдоль Кондомы-реки

Подняли кверху ушки

Лесные кандыки.

В морщинах горной впадины

Средь пахотных полей,

Где хлеб растили прадеды,

Раскинулся ручей.

Взберусь пешком на горы,

Окину взглядом даль

И, внемля чьим-то зовам,

Найду свою печаль.

Грустью непонятной, грустью безраздельной

Сердце защекочет нежная тоска.

Всё в душе и памяти запоёт свирелью,

И тело мелкой дрожью проберёт слегка.

Зимнее утро.

Алый рассвет разыгрался над полем,

Белой вуалью укрылась стезя.

Снег так сияет, что вольно-невольно

Хочешь зажмурить от боли глаза.

Дышит морозом продрогшее небо,

Зимнее солнце зарылось в сугроб.

Кондома-речка, подобно медведю,

Спит подо льдами да русло сосёт.

Не видимый взору, боящийся стужи,

Ждёт с нетерпением прихода весны

В стебле полыни червяк желтопузый

И видит, как люди, сумбурные сны.

Седые берёзы застыли в раздумьях,

Скачет сорока, раскрыв чёрный клюв.

Февраль светлоокий устроил разгулье,

К Маре Моревне поближе прильнув.

Повсюду пестреют сенные ошмётки,
Что липнут на валенки пуще смолы -
То сани в деревню везла лошадёнка
По белой вуали заблудшей стези.

Люблю тебя, мать – Сибирь наша вольная,
За нрав твой казачий, суровый подчас:
То залихватский, а то сердобольный -
Живущий с рождения в каждом из нас.

Когда наши дали пурга замечает,
А гривы обочин дыбом встают -
Глядя на этот простор, понимаю,
Что я душой русич, а Родина тут.

Малая Родина.

Лежу себе на стоге сена,
Держу соломинку в зубах.
Надо мною купол неба,
Скрытый в белых облаках.

Где-то рядоммышь скребётся
В жёлтой высохшей траве,
Жук «арбузный» вверх плетётся
Ближе к свеженькой ботве.

На задах мычит бурёнка,
Кормит чадо молоком,

Силой гонит от телёнка
Мух назойливых хвостом.

Эх, родная деревушка,
Ты наивна, как дитя.
Прошепчу тебе на ушко,
Что люблю, люблю тебя.

На берёзах твоё имя,
Словно в облике святом.
Свет любви струится с вымя
Вместе с тёплым молоком.

Мечта.

Звёздной пылью усеяно небо,
Стрекочут кузнечики в тёмной траве.
Пухом лебяжьим осыпал репейник
Поле ржаное, качнувшись во сне.

Падают звёзды, как спелые яблоки,
С кроны бездонной на землю ничком -
Ярко мерцают их зрелые яхонты
Гранатовой россыпью в небе ночном.

Белой голубкою стиснуто сердце
В клетке из рёбер и сброда хрящей.
Словно изгой, не найдя себе место,
Душа смотрит в сторону красных огней.

Грёзы кружатся живым хороводом,
Не давая закрыться уставшим глазам.
С печальной улыбкой я прошлое вспомню
И смело отдамся зовущим мечтам.

Новой звездой загорится на небе
И будет сиять, среди прочих, сильней
Мечта моей жизни, в которую верю,
И жду исполнения в намеченный день!

Как плоды черёмухи, сладки твои губы...

Как плоды черёмухи, сладки твои губы:

Закрыв глаза, вкушаю их розовую мякоть -
Сок её чернильный при каждом поцелуе
Терпким послевкусьем вяжет мою память.

От жажды нестерпимой, я, словно бы с похмелья,
Падаю измученный на жёсткую кровать,
Избитый поцелуями почти до посиненья,
С пылкой влюблённостью не в силах совладать.

Во сне грядущем видится та рябь лесного пруда,
Где мы под летней сенью вели подсчёты звёзд:
Там я тебя впервые целую робко в губы,
Вкушая их запретный, но сладкий сердцу плод.

Ну, вот я и дома...

«Ну, вот я и дома...» – скажу я однажды,

Усевшись один на крутом берегу.

За долгие годы измучен я жаждой

По краю, где я уж давно не живу.

Столько минуло дней хмурых и светлых,

Столько успел я людей повидать,

А ты всё такая ж, волнуемая ветром,

Кондома наша, родимая мать.

Зачем я искал на чужбине отраду,

Сельский покой на тоску променял?

Ведь всё, что искал я, со мной было рядом,

А я это видел, но не замечал...

Прости нас, детей своих, Кондома-мама -

Всех тех, кто однажды покинул тебя -

За нашу надменность и мнимую славу,

За то, что совсем позабыли себя...

Весна в родном посёлке.

В нашем посёлке запахло весной,

На речке за «ОЛПом» потрескался лёд.

Родной «Треугольник» стоит под горою,

Синичка на крыше о чём-то поёт.

По лужам и слякоти бегают дети -

Вторит их проказам малютка-капель.

Шумит Аларда у кирпичной котельной,

Неся в вешних водах обмягшую прель.

От старой котельной дым тянется к небу

И медленно тает среди облаков.

У дома желтеет пасхальная верба,

Лелея на ветвях лесных воробьёв.

Вдоль пыльных обочин у водоканала

Ручей развесёлый с «пятнашки» бежит

И, пробираясь по узким канавам,

Сквозь наст продевает шумящую нить.

Друзья горняки в гараже отдыхают,

Пьют залпом из рюмок дурман-самогон

И боль за страну на душе утоляют,

Звеня по субботам слепым хрусталём.

Горит мать и мачеха ярким созвездьем

На вязкой поверхности талой грязи -

Так зацветает побитое сердце,

Стерпев все удары злодейки-судьбы.

По улице Угольной бегают дети -

Вторит их проказам малютка-капель.

Шумит Аларда у кирпичной котельной.

Вернул сердце к жизни мне месяц апрель.

Слово из трёх букв.

Пишет мальчик на заборе

Слово из трёх букв,
Как учили его в школе
Рисований и искусств.

Пишет мальчик, не стесняясь
Ни прохожих, ни себя.
Пишет слово, улыбаясь,
Буквы жирно обводя.

Что за слово тот вредитель
На заборе написал?
И что сказал его родитель,
Когда надпись увидал?

«Не сочтите пошлым слово!
Мальчик наш не из проныр!
Просто любит чиркать Толя
На заборах слово «Мир»!»

Плач соловья.

Летней ночью выйду в сени,
Отворю тихонько дверь -
У веранды звонкой трелью
Горько плачет соловей.

Что ж, соловушка, ты плачешь:
Слёзки льёшь в моём саду?
Иль о ком-то вспоминаешь?

Или кличешь на беду?

Отчего же ты, мой милый,

Песни грустные поёшь,

И, как я, в родной России

Себе места не найдёшь?

Ну не плачь, не плачь, касатик...

Полно плакать... глянь вокруг:

Ночь лелеет палисадник,

Звёзды тянут лунный плуг.

Только вслушайся, как сладко

В темноте свистят сверчки,

А у троп вдоль дачных грядок

Мёдом пахнут бурачки.

Весь простор объят прохладой,

Над рекой стоит туман -

Что ещё для сердца надо? -

Только книга да топчан.

Ты поведай мне, пичуга

Наших ситцевых лесов,

Прилетел ли к нам откуда

Иль с кузнецких ты краёв?

Почему ты так печален?

Что случилось с тобой?
Видно, вовсе не случайно
Твою душу гложет боль.
Если так, то Расскажи мне,
Не держи в груди тоску,
Спой всё в песне соловьиной -
Я тебя, мой друг, пойму.

Летней ночью, глядя в сени,
Ждал, когда открою дверь,
Чтоб излиться в звонкой трели,
Вечный странник – соловей.

Река Калтанчик.

Растрепал холодный ветер облаков перины:

Повалил гусиным пухом над полями снег.

Из-за гор течёт Калтанчик по речной долине -

То с трудом, то ускоряя свой поспешный бег.

Нежно Кондому целует он дрожащим устьем,

А она в ответ с издёвкой лишь хихикает над ним.

Для чего ты, друг, спешишь к ней через наше захолустье,

Если знаешь, что у берега вновь останешься один?

Среди пиков гор таёжных, где ледник, подобно рыси,

Заострёнными когтями соскребаёт синь с небес,

Ты берёшь своё начало и исток всей прошлой жизни,

Придавая всем мгновеньям либо тленность, либо вес.

Для тебя любовь нетленна – в ней всегда ты видел вечность.

Ты меня, конечно, спросишь: «А что с Кондомой не так?» -

Не нужны ей твои ласки, не нужна ей твоя нежность,

Ведь она тебя не любит, для неё ты лишь пустяк.

Но душа твоя не хочет сознавать всю горечь правды.

Повалил гусиным пухом над полями снег.

Средь лесов течёт Калтанчик в окруженьи снегопада -

То с трудом, то ускоряя свой поспешный бег.

Колыбельная.

Злобно выла серым волком

Под окном метель.

В хате девица ребёнка

Спать ложила в колыбель.

«Спи же, спи, моё дитя...

Спи, котёнок, баю-бай...

На охоте милый тятя...

Тихо глазки закрывай...

Не пужайся злой метели,

Не пужайся злой зимы -

Это всё проказник-ветер

Ночью воет у избы».

Школа 19.

В посёлке родном на высоком холме,

Куда меня мысли порою уносят,
Укрывшись под сенью сырых тополей,
Встречает одна... Уж десятую осень...
Школа моя, моих радостных дней...

Пусты и безлюдны её коридоры,
Двери закрыты, пылятся полы.
На выбитых окнах, словно б в насмешку,
Из плах понабили кривые кресты.

Время идёт, а меж тем безутешно
Память меня возвращает в года,
Когда «на верхах» закрывали поспешно
Школу мою для меня навсегда.

Детство испортить давно мне сумели -
И жить с этой раной до смерти придётся.
Пускай очень мало, но свято я верю,
Что жизнь в мою школу однажды вернётся.

Стоит одиноко на лоне «пятнашки»,
Слезами омытая, нищая, сирая,
Школа родная, моя «девятнашка» -
Полуживая, лишь Богом хранимая.

Ветер рвёт листья с сырых тополей,
Над крышей склонился потрепанный клён.

Школа моя, моих радостных дней,

Ждёт наступления лучших времён.

Проводы Бабьего лета.

Шуршит осенних листьев по лесу банный веник,

Белые берёзы разделись догола -

Глядит с негодованьем на них сердитый ельник:

Не любит неодетых сибирская зима.

Повисла на шарнирах небесная заслонка,

Стынет в зольной топке солнечная гарь.

Ветер-забудыга зовёт кого-то громко,

Срывая с мокрых вётел бежевую шаль.

Первым из парилки вышел стройный яшень,

Вслед за ним шумливые клён и карагач -

Прогнав несносный ветер от вётел гулким плясом,

Браты идут в предбанник пить ягодный первач.

Их жёнушки-берёзы бегут домой в избушки,

Ставят самовары, спешат к седым печам:

Блинчики румяные и пышные ватрушки

Ветвями золотыми пекут своим мужьям.

К вечеру, хмельные, бредут втроём обратно

Яшень развесёлый, с ним – клён и карагач -

Обняв друг друга крепко, прощаются три брата,

Как вдруг их расставанье прервал на миг дергач.

«Послушайте-ка, братцы! – сказал внезапно яшень, -

Скоро лес осенний окутает зима.

Чтобы день прошедший для нас был не напрасен,

Скажу я вам людские, но верные слова:

Последнею теплыню пропело Бабье лето.

Сердце, как поленья, всё меньше греет грудь,

Но сколько б ни пыталась судьба нас сжить со свету,

Мы вновь, поднявшись на ноги, продолжим этот путь...»

Зимние окна.

На жилом «иконостасе»

Облачёны в ризы окна -

Зимней ночью иней красит

Их ожившие полотна -

Там под кружевом мороза

Сквозь мозаичные блики

Судьб людских зияет образ

И мелькают чьи-то лики;

Люстры в пышных ожерельях

Тлеют пламенем лампад,

Вниз бросая отраженья

На заснеженный асфальт.

И горит свечою тёмной,

Свет роняя на «алтарь»

Через призму хрупких стёкол,

Перед окнами фонарь.

Душа мечтает жить прекрасным...

Душа мечтает жить прекрасным -

Мир диктует жить грехом.

Дай нам, Боже, в век ненастья

Не сломиться перед злом.

Зимний вечер в селе.

Тихо колышутся мёрзлые травы,

Тихо колышутся, стоя в снегу,

И шепчут друг другу сухими губами

То, что душой не понять никому...

День Сварога.

Волхв-туман седобородый

Обходит дозором лесные лога.

От реки Ра до сибирских острогов

Окутала рощи его борода.

Стоит он, обнявши смоля'ные сосны,

Печально глядя' на расейский простор:

Взору открылись миллионы погостов,

Над коими выются скопления ворон.

Там в тесных могилах лежат под крестами

Почившие жертвы Сварожьей ночи.

«Пухом земля вам, несчастны славяне,

Не вы виноваты в том, братья... не вы...

Полно смеяться, воронье отродье,

Праздновать пир на червивых костях!

Скоро Ярило, за ним – половодье!

Почки даёт молодой березняк!

Откаркались вы за лихую эпоху!

Долго глумили ведическу Русь!

Грядёт возрождение былого народа,

Всю жизнь за который Перуну молюсь!»

Вся душа моя в заплатах...

Вся душа моя в заплатах,

Как крестьянская рубашка!

Мчусь на тройке по Арбату

В полушубке нараспашку!

Снег летит из-под полозьев!

Бдит кабацкая Москва!

И метель – седая гостья

Рвётся в барские дома!

В такт храпят гнедые кони!

Сани с грохотом скрипят!

Словно в страхе от погони,

Колокольчики звенят!

С залихватским пересвистом

Мой ящик сечёт кнутом!

Валит бабьим коромыслом

Белый дым со всех сторон!

Пой, гуляй, народ московский!

Ей, зеваки, расступись!

Я сегодня пьяный в доску!

Тройки буйной берегись!

Затопчу! Сравняю с пылью!

И умчусь на санях вдаль,

Где горит, глазам постылый,

Керосиновый фонарь!

Звонарь.

Каждый день к обедне с раннего утра

Звонарь над грешным городом гремит в колокола.

Не нравится нечистым с высокой церкви шум,

Разносят людям сплетни, что их звонарь – колдун.

«Он песнями своими дурачит вас давно,

Смущает ваши души, не слушайте его!

Живите так, как жили... К чему греха таить?

Но звонаря-мятежника всё ж лучше умертвить.

Прибежище он ищет в однёшке городской.

В квартире худо-бедно, плюс на ногу хромой.

Друзьями и знакомыми звонарь наш небогат.

Излюбленное место его – Воскресный тракт.

По этой грязной улице он любит на покой

Со службы возвращаться в сумерках домой».

Над городом всходила кровавая луна:

В последний раз гремели в тот день колокола.

Старый пёс.

Во дворе у ветхой стайки,

Глядя вверх на рясы звёзд,

В кровь иссеченный нагайкой,

Взвыл от боли старый пёс.

Взгляд его впивался жадно

В тёмный зимний небосвод,

А он всё выл и выл надсадно,

Словно звал, Бог весть, кого.

Мыл слюной собачьи раны

И скулил лишь про себя:

«Ну за что же мой хозяин

Ненавидит так меня?..

Никогда не знал я в жизни

Ни заботы, ни любви...

Неужели заслужил я

Столь печальною судьбы?..

Ничего мне не знакомо,

Кроме плети и битья...

Отпусти меня на волю -

Там, где буду счастлив я...» -

Так тот пёс забитый думал

И с тоской смотрел наверх,

В чьих глазах виднелась мука

И парящий белый снег.

Но никто, в насмешку будто,

Так с небес и не ответил:

Он прикован к тесной будке

На всю жизнь холодной цепью.

Из-под век озябшей морды

Покатилась вниз слезинка

И застыла в шерсти чёрной

На щеке морозной льдинкой.

Обойдя весь спящий хутор,

Ночь растаяла в зари.

Под сугробами наутро

Пса почившего нашли.

Конец эпохи лисы.

Столько лет я жил обманом,

Питался ложью, как едой,
Ходил в рядах богини Мары
Рабом с покрытой головой.

Верил на слово мерзавцам,
Рос кувшинкой среди жаб,
Отыскать в грязи пытался
То, чему я был бы рад.

Ждал со всеми конца света,
Словно сущий идиот,
В тот момент, когда планета
Лишь меняла свой чертог.

Перейдя в эпоху волка,
Мидгард снова пробудилась -
И на детище Сварога
Русь из праха возродилась!

Луговая улица, сельские напевы...
Луговая улица, сельские напевы,

В небо упираются зелёные холмы.
Пёрышко осеннее застенчиво летело,
Прощаясь с перелесками родимой Сарбалы.

Ей вслед глядели люди, о чём-то сожалея,
Шуршала в беспокойстве багряная листва,
Хилой колоколенкой под маковкой звенела

Старая часовня, кричала детвора.

А пёрышко летело, летело, словно птица,

Ветром уносимая по глупости на юг -

Давно ли я вот так же от дома отделился,

Прячась в пыльном городе от холода и выюг?

Пускай мне скажет кто-нибудь, что это испытанье,

Выпавшее картой поверх моей судьбы:

Ждёт меня награда или наказание? -

Выйду ли при жизни сухим я из воды?

Не надо, не жалейте и слёзы не роняйте...

К чему бездумно плакать? – меня уж не вернуть...

Божия коровка, прими же покаянье

И дай благословенья с собою в дальний путь...

Родной взгляд.

Когда ты смотришь на меня,

Я погружаюсь с головою

В бирюзовые глаза,

Словно дайвер в воды моря -

В них душа готова плыть

Над бездонной серой тишью

И под парусом ходить:

Шёпот волн парящий слышать.

Когда ты смотришь на меня,

Я хочу быть только рядом

И тонуть в твоих глазах,

Ибо нет роднее взгляда.

Сколько же можно насилловать сердце?..

Сколько же можно насилловать сердце?.. -

Когда я хочу быть всегда рядом с ней... -

От чувств и любви никуда мне не деться,

Ведь я человек, а не робот и зверь.

Мне так надоело гнить в мерзкой системе,

Где мы почему-то с рождения должны

Жить по одной нам навязанной схеме:

«Работай полжизни и старым умри».

Я жажду свободы, как вольная птица,

Я жить хочу, твари, а не выживать!

Мне так надоело терпеть и томиться,

И ждать бесконечно – всегда что-то ждать!

Пустите меня, отпустите к любимой,

С которой хочу я прожить этот век:

Растить с ней детей и быть просто счастливым...

Ведь я вам не быдло! Ведь я человек...

Нелепый век.

Всё неправильно, всё глупо и нелепо:

Мир, в котором я живу, насквозь пропитан ложью...

Нет конца и края тому людскому бреду,
Что для нас считается святым и беспорочным.

Как же жить в спокойствии, когда кругом безумцы,
Когда планета общая похожа на дурдом? -
Вряд ли в этом хаосе здоровые найдутся,
Где каждого нормального считают дураком.

Из сей сплошной сумятицы одно я понимаю,
Заслышав в знойной пустоши пение дождя:
Ничто не переменится, пока родства не зная,
Мы будем жить по-прежнему лишь только для себя...

Ждём рассвета новой эпохи...

Мы в окруженьи темноты -

За руки взявшись, ждём рассвета...

Звучит как бред, но я и ты

Давным-давно встречались где-то...

Скажи, ты тоже помнишь это?..

Новый век.

Осень, сентябрь, дождь и непогода.

Никуда не выйти, грустно на душе.

Залегает в спячку русская природа.

Впервые я проснулся с мыслью о тебе...

Мне стало так тоскливо, жутко одиноко,

Словно бы до этого я жил лишь для себя,

Словно бы всё то, что даётся нам от Бога,

Я только лишь высмеивал, ни капли не щадя.

Ливень тарабанит по блёклому карнизу.

Новый век рождается прямо на глазах.

Гремит по всем каналам старый телевизор:

«Старый мир разрушен, система терпит крах!».

Скорей бы вновь увидеть солнечное лето,

Скорей бы вновь увидеть твой милый силуэт,

Бежать к тебе навстречу по шумному проспекту,

Неся в руках с собою ромашковый букет.

Осень, сентябрь, дождь и непогода.

Никуда не выйти, грустно на душе.

Залегает в спячку русская природа.

Впервые я проснулся с мыслью о тебе...

Моё нежное, родное и милое создание...

Моё нежное, родное и милое создание,

Позволь доверить сердце в твои родные руки -

Прижми его поближе, храни в своей груди...

Неужто мы и вправду нашли с тобой друг друга,

Пройдя сквозь все страдания

И тягости судьбы...

Сын Сварога – металлург.

Сварог стучит по наковальне -

Он вояка и кузнец.

Славит Русь сибирской сталью

Вольный град его – Кузнецк!

В старину и в наше время

Здесь в ужасную войну

День и ночь ковал победу

Сын Сварога – металлург!

Позабыв о мирной жизни,

Встав подростком за станок,

Он трудился для отчизны,

На верстак роняя пот.

Слеп над праведной работой,

Расколяя сталь в цехах,

Сын могучего Сварога,

Но держался до конца!

Не упал бессильным наземь,

Не вскричал от тяжелой боли,

А вознёсся в небо к асам

По неведомой дороге -

Он трудился для победы,

Не смыкая глаз ни дня,

И изжёт грудную клетку

Вместе с лёгкими дотла -

Так, в тылу смерть за Расею

Иногда страшнее фронта,

Посему своё почтение

Мы глаголим Сыну Бога!

И поныне в нашем крае

Льёт оружие кузнец.

Славит Русь сибирской сталью

Вольный град – Новокузнецк!

Славянка.

Девушка белокожая

С небесными глазами

Шла босыми ножками

По солнечной поляне.

Соломенные локоны

Спадали с юных плеч

И нежным птичьим гомоном

Звучала её речь.

Вечность...

По ночам я вижу в небе, как меня к себе зовёт

Сквозь эпохи и столетия твой незримый огонёк...

Так прекрасен и безбрежен его яркий дивный свет.

Ты мне шлешь сквозь лёд и вечность издалече свой привет...

Кто же ты, моя безвестность?.. Почему зовёшь к себе?..

Как постичь твою беспечность, чтоб приблизиться к тебе?..

Неужели жизнь земная – только твой прелестный сон,
И однажды под звездою мы друг друга вновь найдём?..

Я прожил свой век в скитаньях, сам не зная, что искал,
И не брёл в мир с осознанием, что я что-то растерял.

По дороге к млечной койке под сиреневым шатром
Обретут две белых сойки за полярьем новый дом...

Прости, родная...

Прости за грубые слова,

Что я на днях тебе сказал...

Прости за долгое молчанье,

Слёзы, боль и расстояние...

Прости за мой несносный нрав:

Ведь к тебе я был не прав...

Хоть сержусь порой, но знаю:

Ты другая, ты живая... -

Ты меняешь мир вокруг,

Продолжая жизни круг.

И пусть нелёгки отношения... -

Благодарен я вселенной,

Что подарила мне тебя

В суматохе бытия...

Прости меня, моя родная...

Ведь ты хорошая, я знаю...

Грядёт весна.

Грядёт весна и дух свободы

Сорвёт тяжёлые оковы,

И с неба в наш забытый плен

Подует ветер перемен,

Развеяв мира прежний тлен,

Развеяв страх народный.

Вальс цветов.

Дышит яблоней весенней

Твой рельеф покатых плеч.

И опять в глазах стеснение,

Как от наших первых встреч.

На столе пылятся письма,

Приоткрыт советский тюль.

За окном страницы листьев

Тихо шепчут про июнь.

Шёлком древних гобеленов

Вышит солнечный ковёр -

И шаги часов настенных

Вторят «кругу» в унисон.

Так теплы твои объятия

И прекрасен будний день...

«Вальс цветов» в балетном платье...

Kiss под занавес очей...

Круголет.

Из северных преданий и сказок позабытых

Ступают души по небу, вращаясь в круге лет,

Ступают души по ветру, летя на стёртых крыльях,

Ступают по дороге – туда, где края нет...

Озеро Калтарак (Колтрык).

Как ходил один рыбак,

Стало быть, Иван-дурак,

В половодье, где шельпьяк

Днём теряется во льдах,

Из Калтанского острога

В старых дырявых сапогах:

Не сказать, что в скороходах,

Не сказать, что в кирзачах.

В общем, к озеру такому,

Что нигде вы не найдёте

Ни на картах, ни в статьях,

Где живёт не сиг и омуль,

Ни сорожка, ни судак,

Где живёт себе привольно

Наш сибирский чёрный рак.

Это озеро в народе

Там зовётся Калтарак.

В этом самом Калтараке

Раки злые, как собаки.

Клешни, знай, что пассатижи,

Ноги – все нараскоряку,

Не свезёт тем бедолагам

Или путникам-бродягам,

Что тех раков не приметят

И окажутся в их лапах,

Поднырнувши под коряги

Иль рогозовые стяги

Под трезвоны магнитолы

Жарким летом в Калтараке.

Значит, шёл Иван-дурак

А зачем? Да просто так.

Шёл себе он по дороге

Из Калтана в Калтарак.

Как дошёл? – Незнамо как -

Так, наверное, и освоил

Земли здешние казак.

Но вернёмся к дураку -

Ведь об нём я речь веду.

Наш рыбак, Иван-дурак,

Как полагает рыбаку,
Сел себе на берегу,
Подкрепился перед ловлей,
Понастраивал уду,
Нацепил на крюк червя,
На червя надел живца,
И чтоб совсем наверняка,
Впялил сверху мотыля.

Прощание с детством.

Детство кончилось и годы
С темя сыплются листвою.
И вроде бы лицом ты молод,
Но в душе давно седой.
Давно седой, давно уставший,
Давно поношенный судьбой,
Словно сломлен пневмонией
Или новой модной хворью,
Хочешь в море на покой,
Там, где плещется прибой.
И ни чуть тебе не слаще,
Чем старушке или деду
С хитро загнутой клюкой.
И вроде грех клеймить столетье,
В коем все мы родились,
Да и прошлые столетья,

Что такая нынче жизнь,
Но ведь правда: всё иначе,
Всё совсем наоборот -
И на этом обороте
В обветшалом переплёте
Мир даёт другой виток,
Балансируя на грани,
Где давно перемешались
Зло – добро, добро и зло.

Я не верю больше в сказки,
Верю разум на Земле.

В этот век все снимут маски

На лице и на душе.

Размышления о пройденном прошлом.

Бело-чёрная, чёрно-белая душа

моя...

Бело-чёрная, чёрно-белая жизнь

моя...

Подскажи мне в сонме дней стремительно летящих

Икаром безрассудным к лучам светила,

Безудержно палящим,

Что со мной не так?..

Почему так тесно в брэнном хрупком теле?..

Почему так тесно в мире, где так легко сойти с ума?.. Поверь мне,

Я и сам давно сошёл с ума

От боли, что гнетёт меня,
Гнетёт меня уже давно...
И сердце, словно решето,
Пропускает, словно воду,
Всё, что прожито за годы,
Не оставляя ничего,
Кроме время, где невзгоды
Были частью самого
Того наивного ребёнка
И беспечного юнца,
Что смотрел на мир глазами
Через призму детских дней,
Через призму юных дней -
И сияли небесами
В тех глазах его слезами
Те несбыточные грёзы
И дурацкие мечты,
Что тогда ему казались
Так далёки и близки...
И где теперь ребёнок тот?..
Куда пропал он в бездне дней?.. -
Ведь он был к жизни не готов,
Всё на ходу учил, поверь...
Поверь и в то, что всё на свете
Здесь даётся нам с трудом...

Был добряк, душою светел -
Здесь пожив, стал хитрым злом.
Так извечно мы живём
В столь привычном вечном рабстве
Небытья и бытия,
В рабстве собственных иллюзий,
В плену несбывшихся желаний,
Клятв, молитв и обещаний,
В море чувств, скупых эмоций
И поруганных надежд,
Тех, что мы однажды дали
Приношением на камне
Нашим верным, самым близким,
Что готовы были жизнью
Встать на камень тот за нас...
Я устал... Хочу субботы...
Солнце светит высоко -
А это значит, что пора
Отправляться на работу -
Так века здесь говорить
В биомассах очень модно...
Безответная любовь.
Я часть души своей оставил
В глазах твоих, что так манили
Своей печальной глубиной -

И что теперь мне с этим делать,
Как забыть, кому поведать?.. -
Я, признаться, и не знаю...
И вроде бы всё понимаю,
Точно так же просыпаюсь,
Чищу зубы, умываюсь,
Пропадаю на работе,
Жду, как проклятый, субботы,
Но чего-то не хватает...
Словно бы с тобой расставшись,
В серых буднях потерявшись,
Понял вдруг, что до тебя
Много девушек и женщин
На пути я повстречал:
И страдал я, и влюблялся,
Горько плакал и смеялся,
Но как бы облик их прекрасный
Не был мне томяще мил -
Ни одну из них при жизни
Я в душе не полюбил...

Так зачем, скажи, пишу я
Эти громкие слова?..
Быть может я с тобою больше
Не увижусь никогда...

Я мечтал б лишь, чтобы ты

Меня однажды полюбила,

Но понимаю, что в любви

Не покоряются насильно:

В себя влюбить никак не нельзя,

И без любви – не станешь милым...

Потерянная любовь.

Пускай ты холодна и безответна,

Как декабрьская стужа во снегах,

Всегда я видел летнее приветливое небо

В глазах твоих – цветущих васильках.

Как жаль, что всё на свете тленно:

Память, радость, наши чувства.

Как хорошо, что незабвенно

То, от чего смеётся сердце,

То, от чего бывает грустно.

Я научился быть смиренным,

Мириться с тем, с чем я не мог.

И не коснувшись, станет пеплом

Мой поцелуй далёким эхом

У твоих белых женских ног.

Забудятся и растворятся в небытье

Те дни и сны, где знали мы друг друга.

Навряд ли ты вдруг вспомнишь обо мне,
Навряд ли я вдруг вспомню о тебе
И как влюбился безрассудно
В ту девушку, что стояла рано утром
На втором или третьем этаже,
Что появилась в моей жизни неведомо откуда.

Я лишь хочу сказать: Спасибо,
Спасибо, что была со мной...

И пускай всё в нашей жизни
Не бывает так, как в сказке,

Те мгновенья, что с тобою

Проживали мы вдвоём,

Где делили счастье, горе,

Словно птицы под дождём -

Пусть всё это сохранится

И останется со мной

И останется с тобой...

Пусть всё это согревает,

Век сердца оберегая

Тем, что мы с тобой ценили,

Чем так свято дорожили,

Вдохновлялись...

Просто жили...

И влюблялись...

И любили...

Чайка над рекой.

Плачет чайка над рекою,

Над прозрачною водою.

Тихо капают над плёсом

В чисту воду её слёзы.

Тоскует чайка та по дому,

Запах чей доносят волны.

Моя милая, родная...

Моя милая, родная,

Прости, я больше не могу...

Я хочу, чтоб ты лишь знала

То, что я тебя люблю...

При одном твоём лишь взгляде

Всё в душе вдруг зацветает,

А когда сидишь ты рядом,

Моё сердце замирает.

Знала б ты, мой светлый лучик,

Как же звонко ты смеёшься;

Как журчит во мне твой ключик,

Что из губ прелестных льётся.

Как тону в твоих печальных,

Грустных, радостных глазах,

Словно стебель иван-чая

В васильковых лепестках.

Прошу тебя, не хмурь напрасно

Колоски ржанных бровей...

Не смей свой лик прекрасный

На дождливый блёклый день...

Людское хамство.

Я устал мириться со злом.

И от хамства я тоже устал.

Мне досадно, что с каждым козлом

Понапрасну я речи ронял.

Понапрасну я речи ронял,

Пытаясь козлов воспитать,

И что к совести их я взывал,

Когда не к чему было взывать.

От козлов не ищи сострадания

И души ты в них, друг, не ищи.

Не ведай разговоры с козлами

И не трать свои нервы на них.

Дар или проклятье.

Быть поэтом -

Дар или проклятье?

Грезить светом,

Чертя мелом

Мысли на стене.

Быть поэтом

В пожелтевшей

Клетчатой тетради,

Воплощая, что реально

Только лишь во сне.

Радуга и бурундуки.

Рассадуники капиталистической радуги

Жрут со стола яблоки,

Жрут со стола апельсины,

Жрут абрикосы, кокосы

И тёмные сладкие сливы.

А тем временем

В далёкой Африке

Или может в холодной Антарктике -

И в такой же подобною Арктике,

И, возможно, в далёкой галактике -

Где-то в общем совсем далеко -

Там, где нету вообще ничего -

Сидит в одиночку, скудивши бамбук,

С голодного мыса политбурундук

И возвещает другим бундукам

О том, как открыть потаенный портал

В тот холодильник, что кормит рассадуников

Капитализма и медного взадника.

Морская волна.

Свой душевный покой

Обрету лишь с тобой...

Мне морскою солёной волною,

Спящий в тумане,

Шумящий на солнце,

Раны омает

Балтийский прибой...

Молитва любви.

Я ничей... я только твой... -

Шепчу тебе я перед сном.

И пусть смотрюсь я очень глупым,

Порою даже безрассудным,

Но это я... и я живой...

И мне плевать, что скажут люди,

Я хочу лишь быть с тобой,

Стоять держать тебя за руки

И вдыхать неспешно грудью

Воздух с пристани морской,

Не боясь, что вновь разделит

Нас щемящая разлука,

Не боясь, что не увидим

Мы в толпе с тобой друг друга,

И что ходим в одиночку

Мы по замкнутому кругу.

Я ничей... я только твой... -

Прошепчу я над постелью
Тебе нежно перед сном.
Я ничей... я только твой... -
Разольюсь морской пеной,
Разобьюсь морской волною
На рассвете, на закате
Я, целуя берег твой.

Я ничей... я только твой... -
Прозвучит моя молитва
Тихо нежно перед сном
И останется до встречи
Пусть молитва та с тобой...

Минувший век.

Тяжело мне без тебя...

Без взгляда глаз то бирюзового окраса,
То солнца в тонущем закате,
То цвета вешних лепестков...
Прости, что в жизни всё иначе...
И как хрупка порой бывает
На земле людской любовь...

Услышу ли я вновь твой голос,
Стоя рядом у реки,
Что так тепло звучал когда-то
В тот июньский жаркий полдень,

Доносимый вольным ветром,

Доносимый пеньем чайки,

Мирно реющей вдали,

Слившись с берегом Томи,

Где летели без оглядки

Беззаботно наши дни,

Где среди речною гальки,

Где среди песка и глыб,

Где вода и время смыли,

Чешую с бетонных плит -

Там, с чего всё началось,

Где стоял ещё в двадцатых

Обветшалый старый мост -

Встречу ли я вновь тебя там?

Услышу ли твой милый смех,

Чтоб прожить с тобою рядом

Тот давно минувший век...

Родной двор.

В шахтёрском посёлке родной «Треугольник»

Стоит одиноко по пояс в снегу,

Над зябкою крышей панельного дома

Зимнее небо щекочет луну.

Там под снегами мой двор распростёрся -

Двор, занесённый январской пургой -

Там где душа моя звонко смеётся

Голосом детским, звеня над тайгой.

Душа.

Глупое, грешное, бренное тело -

Моя оболочка, мой временный кокон -

Носит в «утробе» частичку вселенной -

Частичку вселенной, что связана с Богом.

Все наши души – лишь капли в океане,

Клетки внутри одного «организма»,

Звёздная пыль над бескрайней поляной,

Застывшая в вечном движении жизни.

Сей мир не первый,

Но и не последний... -

Кроме него есть другие миры,

Куда перейдём мы из этого мира

По правилам странной вселенской игры.

Живя по законам телесного мира,

Держа в бренном теле незримую душу,

Мы рождены тайны жизни постигнуть -

А значит здесь каждый по-своему нужен.

Пустота.

Душа опустела,

Почти зачерствела,

Промокнув до нитки

В сезоны дождей...

И дышит на ладан
Чужими духами
Её молодое,
Блаженно святое,
Ставшее дрянью,
Порочное тело,
Безудержно тая
В пылани заката
Тенью далёких
Безоблачных дней... -
Едва ли я вспомню ту давнюю юность
И наших сердец беззаботное время...
Едва ли я вспомню хоть что-то о ней...
Мне снится Сибирь...
Я закрою глаза...
И мне снится Сибирь...
Я лечу сквозь леса...
Я лечу сквозь снега...
Я лечу сквозь туман и морозы...
Я лечу сквозь луга и поля,
Где желтея в канун сенокоса
Под косма'ми седую берёзы
Пахнет мёдом сухая трава... -
Я лечу там, и, словно ребёнок,
По дороге к родимому дому

Так небрежно и так вероломно,
Но с такой, непонятной для взрослых,
И безграничной на сердце любовью
С улыбкой срываю, летя вникуда,
Над холмами земные цветы...

Приснится, как прежде, пьянящее лето
И миг дуновенья короткой весны,
Тёплая осень в эльфийском наряде
С шелестом прелой увядшей листвы,
Что стелит путь к старости нам под ногами
Под томным дыханьем холодной зимы...

Облик печальный, облик родной...
В тумане узрел я твой облик печальный -
Облик родной и донельзя знакомый...
В глазах твоих томных, иззелена-жёлтых
Скользила тоска...

И в минуты молчанья
Шумела, звеня,
Золотая листва -
Шумела, звуча
Песнопеньем церковным...
И руки, хранящие шрамы отчаянья,
Сковавшие губы незримой печатью,
Словно отметины борозд на поле,

Въевшихся в кожу душевною болью,
Так нежно за плечи меня обнимали
И веру в любовь в моё сердце вселяли... -
Как жаль, что всё это мы вмиг потеряли...

Людское счастье.

Душа моя, потрепанная ветром...

Я ли это, промелькнувший, в отблеске воды?

От востока к западу скитаюсь я по свету

И в пути пытаюсь счастье я найти...

Пустота одиночества.

Я одинок... Нет во всём мире любви -

Та, что заполнит мою пустоту,

Что так рьяно пожирает

Мою душу изнутри...

Я одинок... Загнан, словно морем ветер,

Стаей гончих дикий вепрь,

Загнан, словно на охоте,

Егерями старый волк...

Я одинок... Зол, что в нас исчезла правда,

Зол на то, что к добрым людям

Мир по-прежнему жесток...

Зол, что сердца чистота

Стала ныне старомодна

И по жесту доброй воли

Нам теперь не так нужна...

Зол, что ныне добровольно

Всё, что было в нас святое,

Как оставленное в память

Нам завещанное Богом,

Мы оставили на подкуп

Нашим страстям и грехам,

Подменяя жажду денег
Нашим самым сокровенным,
И без ценника на полке,
Расплескавшимся по полу,
Разметавшимся по свету,
Человеческим мечтам...

Немного о любви.

Своей настоящей любви

Я никогда и ни за что

Не посвящу свои стихи...

Любви настоящей не надо признанья -

О ней лишь тихонько слагают в тиши...

Её превозносят, но не воспевают,

Нося каждый день на поклон ей цветы.

О цветах.

Нераскрывшейся любовью

Ярко вспыхивают в тёрне

Сотни тысяч алых, белых,

Красных, жёлтых и пурпурных,

Фиолетовых и чёрных -

Разноцветных диких роз,

Что пьянят беспечный разум,

Столь доверчиво наивный,

Что дурманят сердце ядом,

Словно терпкий сладкий мёд.

Сотни пёстрых диких роз -

Их лоснящиеся стебли,

Словно кожа дамской шеи,

Благородно и надменно

Носят в свете ожерелья
Из бесчисленно богатых,
Обжигающих мне душу,
Острых огненных шипов.

Сотни женских диких роз -
Тонко сотканных из фальши,
До корней высокомерных -
Одна красивее другой -
Так похожих друг на друга
Под цветущею в закате,
Увядающей с рассветом,
Но обманчиво холодной,
Летней бархатной луной.

Сквозь разросшийся кустарник
Из колючих диких роз
Вижу я вдали поляну,
Освещаемую лучами
Одиноких в небе звёзд -
На поляне той тихонько
Смотрит в воду у ручья
Робким, кротким, скромным взглядом
Сентябринка полевая
Цвета солнечного дня...
Уставший сентябрь...

Уставший сентябрь... И теплится солнце,
Нежно сгущая лучами листву,
Тихо лаская под кроной берёзы
Осенней прохладой сухую траву.

Стадами крылатыми тянутся в небе
Тучей жужжащей, садясь к нам на дом,
Божьи коровки и прячутся в белых
Мозаичных ситах, что cedят по крошке
С детства застывший, как время, навеки,
Лелеющий памятью душу, не тело,
Взрастивший меня и моё поколение
Внутри своих стен обветшалых панельных,
Старый, холодный, как сердце Сибири,
Поблекший тяжёлый советский бетон.

Пестрят конопушки по панцирям красным,
Тлея на ветре в вечернем свету.

Усталый сентябрь... Дай Бог, не напрасно
Прошла наша юность в далёком цвету.

Сибирь.

Я кричу тебе с надрывом

Моей надломленной душой,

Но едва ли ты услышишь,

Что хочу я быть с тобой...

Я кричу тебе с надрывом

Туда, где ты совсем одна...
Туда, где всходит утром поздно
Хладом выжженое солнце
Над заснеженной равниной
Распротёршейся Сибири... -
Может ты там ждёшь меня?.

Я кричу и рвутся связки,
Что мешали мне дышать...
Я кричу и рвутся связки,
Что мешали мне сказать
Обо всём, что не сказал я,
Когда стоило, наверно,
Тебе всё-таки сказать,
Чтобы нам с тобой друг друга
В серебре опавшем снега,
В серебре сибирской вьюги
По пути не растерять...

Остывшее сердце.

Прости, что я не сохранил,
Не донёс к твоим ладоням,
Растерял на полпути,
В по'ру юности бездумно,
Так бессмысленно растратил
Я, скитаясь, на других,

Моё выжженное болью и запекшееся кровью

Своё сердце для тебя... -

Тем, каким в себе я помню

Это сердце с детства я...

Ты поверь, ведь я далече

Был душою так же чист,

Словно павшая в подлесе

На черёмуховый лист,

Омываемая лучами и таёжною прохладой,

Над корнями древних кедров,

Под ветвями старых пихт

На безоблачном рассвете

Среди пней и бурелома

Капля вешнего дождя.

В русских церквях плачут свечи.

В русских церквях плачут свечи:

Горячи и раскалённы льются слёзы восковые,

И страдальцам души лечат

С неба зрящие на землю

Византийские святые,

Освещая сердце светом

Сквозь иконы росписные.

Сибирские кони.

Кони топчут травы,

Мчатся и храпят.

Кони топчут камни,
Что спелый виноград.

Пыльная дорога,
Бескрайние поля -
Несут домой их ноги
Туда, где их земля.

Где б они не были, куда бы не ушли -
Всегда туда вернуться, откудава пришли.

Всегда туда вернуться, откудава пришли,
Зовёт к себе их голос родимую земли.

Легенда о королевском замке.

Там клевер растёт, покрывая пустырь,
Что над разрушенным замком лежит.
Там боль превратилась в руины и пыль,
Ветером к земле с одичалых морей
Стада облаков приминали ковыль.
Там песни звучали, слагались легенды,
А в стенах под башнями теплилась жизнь.
И свечи горели у тёплой постели -
С ночи на утро в их ярком свеченьи
Рождались в том замке на свет короли.

Дождь ночной.

Дождь ночной, о чём ты шепчешь? Что пытаешься сказать?
Для кого на грешную землю льёшь с небес ты благодать?

С виду мир такой ужасный,
Что и слов не подобрать,
Но под маской – он прекрасный,
Просто он залеплен грязью,
Что не так-то просто снять...

Холодильник.

Я открою холодильник,
Постою с ним полчаса.
Раз, два, три, и холодильник
Заполняет пустота!

Под покровом тёмной ночи...

Под покровом тёмной ночи

Я выкидывал комод.
Я бежал, что было мочи,
По лицу струился пот.

Запах навоза.

Запах навоза -

Не запах завода.
Под запах завода работают люди -
Под запах навоза работают мухи.
В любую погоду: и в зной, и в мороз -
Порадует запахом сельский навоз.

Так трудно...

Так трудно быть хорошим,
Так трудно быть простым...
В мире, где всё сложно,
Быть добрым, не пустым...

Морской бриз.

Слезой комета падает вниз

В мерном сиянии лунного ока,

От берега к морю подул лёгкий бриз,

По волнам скользит запоздалая лодка.

Затерявшиеся в далёком прошлом...

Всё обесценено: мысли и чувства -

Так год от года мы ходим кругом,

Давясь в одиночестве собственной грустью,

Теряясь с годами в далёком былом...

Повседневность.

Мы забыли о прекрасном

В повседневной суете,

В мире грёз и древних сказок

Пребываем, как во сне.

Пластиковый мир.

В пластиковом веке,

В пластмассовой глуши

Жили-были люди

Без эмоций и души.

Красота и безразличие.

И плевать совсем природе,

Что ты ходишь по земле:

Людам Бог отмерил годы,

Ей – бессмертие свое'...

Поколение 90-х.

Поколение 90-х -

Постсоветские сыны.

Мы – последнее потомство

В пропасть рухнувшей страны...

Детство в родном дворе.

Я корнями пророс в эту землю,

Я корнями пророс в этот двор,

Где играли мы бархатным летом,

С пацанами гоняя в футбол.

Так скучно и гадко сидеть взаперти...

Так скучно и гадко сидеть взаперти,

Тоскою и грустью томиться...

Так хочется быстро отсюда уйти,

В свободу и радость пуститься...

Дыхание родного края.

Есть в этом воздухе что-то такое,

Чего я нигде никогда не найду.

Быть может, так пахнет забытая воля? -

Ежели так, то, значит, не зря я на свете живу.

Ах, если б знала ты, родная...

Ах, если б знала ты, родная,

Как сияет ночью снег

В спящем городе Калтане,

Посыпая наш проспект.

Колобок.

Кошка мурлычет у тёплой печи,

Свернувшись в пушистый клубок.

Старик со старухой из белой муки

Слепили себе колобок.

Ночная тишь.

Треск костра...

Луна...

Тишина...

Тайга...

Планета Земля – чистилище вселенной.

Здесь душа не держится без тела,

Здесь нет на покой ни дня -

Мы в чистилище вселенной

Под названием Земля.

Бренная, тленная оболочка.

Тело, как яблоко: спеет, стареет.

И только лишь ввек неизменно одно -

Душа, что засела в дряхлеющем теле

И хочет однажды вернуться домой.

Нелёгкий путь прошлого.

Жизнь преподносила немало испытаний:

Душа с годами стала, как у старика...

Но сейчас не время, не время для рыданий.

Былое – лишь начало... Дорога далека...

Забывчивый кот.

Сидел на крылечке кот

И, зевая во весь рот,

Глазёнки свои приподнял,

Ухмыльнулся и сказал:

«Эх, надо было ключ бы взять

От подъезда номер «пять»... »

Богема.

Внутри меня плотно засела богема,

Ставшая музой в моей голове -

Ей пропиталось насквозь моё тело,
Как ванная губка в проточной воде.